

ISSN 2464-6768

MK ČR E 22429

Vědecký a praktický časopis

FILOLOGICKÉ VĚDOMOSTI

№ 1 2017

ZAKLADATEL:
Vědecko vydavatelské centrum «Sociosféra-CZ», s.r.o.

Šéfredaktorka – prof. Irina S. Karabulatova, Ph.D. (profesor v oboru filologie)

Mezinárodní redakční rada

doc. **Zoya N. Afinskaya, CSc.** (docent v oboru filologie – Moskva, Rusko)
prof. **Zohidjon M. Islamov, Ph.D.** (profesor v oboru filologie – Tashkent, Uzbekistan)
prof. **Svetlana V. Kezina, Ph.D.** (profesor v oboru filologie – Penza, Rusko)
prof. **Irina V. Moklecova, Ph.D.** (profesor v oboru filologie – Moskva, Rusko)
prof. **Vasiliy V. Lipič, Ph.D.** (profesor v oboru filologie – Belgorod, Rusko)
prof. **Albina M. Sayapova, Ph.D.** (profesor v oboru filologie – Kazan, Rusko)
prof. **Elena N. Serdobinceva, Ph.D.** (profesor v oboru filologie – Penza, Rusko)

Časopis je indexován podle:

- Russian Science Index (Rusko)
- Research Bible (China)
- Scientific Indexing Services (USA)
- CrossRef (USA)

Impact Factor:

- Scientific Indexing Services – 0,742

ISSN 2464-6768
MK ČR E 22429

© Vědecko vydavatelské centrum
«Sociosféra-CZ», s.r.o., 2017

ISSN 2464-6768

MK ČR E 22429

Scientific and practical journal

PHILOLOGICAL KNOWLEDGES

№ 1 2017

THE FOUNDER:
The science publishing centre «Sociosphere-CZ»

Editor-in-Chief – Doctor of Philological Sciences, professor
Irina S. Karabulatova

International editorial board

Zoya N. Afinskaya, Candidate of Philological Sciences, assistant professor (Moscow, Russia)
Zohidjon M. Islamov, Doctor of Philological Sciences, professor (Tashkent, Uzbekistan)
Svetlana V. Kezina, Doctor of Philological Sciences, professor (Penza, Russia)
Irina V. Mokletsova, Doctor of Philological Sciences, professor (Moscow, Russia)
Vasiliy V. Lipich, Doctor of Philological Sciences, professor (Belgorod, Russia)
Albina M. Sayapova, Doctor of Philological Sciences, professor (Kazan, Russia)
Elena N. Serdobintseva, Doctor of Philological Sciences, professor (Penza, Russia)

The journal is indexed by:

- Russian Science Index (Russia)
- Research Bible (China)
- Scientific Indexing Services (USA)
- CrossRef (USA)

Impact Factor:

- Scientific Indexing Services – 0,742

ISSN 2464-6768
MK ČR E 22429

© Vědecko vydavatelské centrum
«Sociosféra-CZ», s.r.o., 2017.

OBSAH

LINGVISTIKA A INTERKULTURNÍ KOMUNIKACE

Pashayeva G. B.

Appropriation process of terms9

Бекметов Р. Ф.

Эллинистическая модель русского литературного слова и ориентальный контекст 15

Карачун Ю. Г.

Требования к сложным терминам по электротехнике в украинском и английском языках 22

LITERATURA A FOLKLÓR

Dzyubenko A. I., Strezeva Ya. A.

Image of the queen in novel by S. Townsend “The queen and me” 28

Khanjani L., Fallah Binakar H.

Byronic hero, little man or superfluous man 32

Буров А. А., Бурова Г. П.

Метатекстовые функции художественной детали в прозе И. А. Бунина 41

Прокубовский А. А.

Прецедентные имена в рассказах и фельетонах И. Ильфа и Е. Петрова 1929–1937 гг. 47

Фатеева Ю. Г.

Просторечные фразеологизмы в контексте юмористического высказывания (на материале художественной литературы о медицине) ... 56

METODY VÝUKY FILOLOGICKÝCH VĚD

Вострякова Н. А.

Обучение восприятию текста популярной русской песни иностранных студентов подготовительного факультета (на материале песни «Листья жёлтые»)62

Гац И. Ю.

Информационный анализ веб-текста в лингвистической подготовке школьников70

Мехтиханлы С. Г.

Роль аудирования как самостоятельной речевой деятельности в процессе обучения русскому языку в Иране75

Чулкова Е. Н.

Рубежный контроль успеваемости иностранных военнослужащих на занятиях по РКИ (на материале контрольной работы)82

Rules for authors90

План международных конференций, проводимых вузами России, Азербайджана, Армении, Болгарии, Белоруссии, Казахстана, Узбекистана и Чехии на базе Vědecko vydavatelské centrum «Sociosféra-CZ» в 2017 году92

Информация о научных журналах94

Издательские услуги НИЦ «Социосфера» – Vědecko vydavatelské centrum «Sociosféra-CZ»95

CONTENTS

LINGUISTICS AND INTERCULTURAL COMMUNICATION

Pashayeva G. B.

Appropriation process of terms9

Bekmetov R. F.

Hellenistic Model of Russian Literary Word and Oriental Context..... 15

Karachun Yu. G.

Requirements for complex terms in electrical engineering in Ukrainian and English 22

LITERATURE AND FOLKLORE

Dzyubenko A. I., Strezeva Ya. A.

Image of the queen in novel by S. Townsend “The queen and me” 28

Khanjani L., Fallah Binakar H.

Byronic hero, little man or superfluous man 32

Burov A. A., Burova G. P.

Metatext features of artistic details in I. A. Bunin prose 41

Prokubovsky A. A.

Precedent names in the stories and feuilletons of I. Ilf and E. Petrov 1929–1937 47

Fateeva Yu. G.

Vernacular idioms in the context of a humorous sayings (in fiction about medicine) 56

METHODS OF TEACHING OF PHILOLOGICAL SCIENCES

Vostriakova N. A.

Training perception of the text of the popular Russian song for foreign students preparatory faculty (based on material of the song "Yellow Leaves")..... 62

Gats I. U.	
An analysis of web text in the linguistic preparation of students	70
Mehdikhanli S. Q.	
The role of listening as a speech activity in the process of teaching Russian language in Iran	75
Chulkova E. N.	
Midterm control of progress of foreign military personnel in the classroom for Russian Language as a Foreign Language (based on the reference work)	82
Rules for authors.....	90
Plan of the international conferences organized by Universities of Russia, Armenia, Azerbaijan, Belarus, Bulgaria, Kazakhstan, Uzbekistan and Czech Republic on the basis of the SPC «Sociosphere» in 2017.....	92
Information about scientific journals	94
Publishing services of the science publishing centre «Sociosphere» – Vědecko vydavatelské centrum «Sociosféra-CZ»	95

UDC 81-13

DOI: 10.24045/fv.2017.1.1

APPROPRIATION PROCESS OF TERMS

G. B. Pashayeva

*Ph.D. in philology sciences
Sumgayit State University
Sumgayit, Azerbaijan*

Abstract. Things and events are called by words. The subject of the thing is a naming feature of process regarding differentiation signs from the other signs naming the features of the event. However, there is not such kind of link between the name and its meaning. However, if we consider that there is a link between term and concept (meaning) understanding clearly, it is not right approach in term point of view. Terms had been created with appearing of differentiated concept among some signs. In comparison with other branches of Linguistics terminology, lexis is closely connected with social process which is an integral part of our daily life.

Keywords: term; terminology; choosing of terms; unification; standardizing.

Actuality of the topic. The term is an active participant of special knowledge that can be useful in any area of human activity, support to the development of science and education, requiring specific knowledge for adoption of any situation. Different definitions had been given to the terms in linguistics. Due to Superanskaya, the term is the basic element concept of linguistics which based on the specific goals. Due to M. E. Ahmedov's thoughts (who had conducted his research on "concept of term") the term is multifaceted, multiple and multifunctional concept. According to the rules we can say that, term is a word and word combinations which explains

concepts in scientific, technical, economical and cultural spheres.

So, the functions of terms are: nominative, informative, representative and emotionality. In comparison with simple (ordinary) words terms are informative function carriers. Informativeness turns the terms into a dynamic lexical unit, because of the constant love of human to get new information. Term has a special terminology meaning, and it is lexical unit of any languages. This meaning is also expressed with special formulas (for example, with (via) reductions or acronyms). The activity and development of term depends on action branch and development dynamics where they be-

long. That's why terms and their functional features of creation process had been defined non-linguistic factors. If we do not take into account extralinguistic factors, term will lose its informativeness. Thus, terms should reply exist level and demand of science regarding lexics concepts exactly and completely. Lexical unit which accepted in this branch can be accepted as an unclear word or expression of other concept.

For example, the word "mouse" is used in information technologies branch in different meaning, it is used as a part of computer manager, mouse is used in zoology in another meaning, such as alive. (mouse is alive, an animal in zoology).

Mouse is a part of computer in computer technologies branch. We use both words – "sichan" and "mouse" in Azerbaijani too. There is an equivalent of this word in Russian "мышь" or "мышка" which assimilated from the English language. These words loan words and they had been assimilated in our language. This case is followed in Russian language, too. But it is used in different from Azerbaijan language. The word "mouse" taken from English and Russian languages, it is not used as a term of the zoological equivalent. This case (equivalent) is followed only information technology branch. Is it right to be for terminology of some lexical equivalents of one word? As it is well known, terminology "likes" concreteness, monosemanticness and conciseness.

A commission had been established for providing the development and regulation of terminological lexicology in the Republic of Azerbaijan that

controls the vocabulary and terminology, as well as dealing with the unification of the terms. The need to create the commission, to eliminate of the above mentioned confusion and contradictions. Invention in technology and science, discoveries need to create new terms for the new concepts. Of course, as the term has specific characters for scientific style, the people who are busy on science communicate with each other on this way.

Terms which have great importance in the field of education can be indicator of cultural and scientific development of language. The term creation is a part of word creation of the language and it is continued process in the language. Adoption and making obey of new terms to the language is one of the main problems in Linguistics.

As above mentioned the words comes from one language to another by the same case, after some period the words follow the rules and norms, regulations of the entered language, some of those are kept as. This process depends on the character of loan-words. If the new acquisitions transmit in verbal (oral) form, they are changed, follow the phonetics regulations of the language. Subject to change is usually brought into conformity with the laws of phonetic language, written acquisitions are distinguished by the relative stability and they are less prone to changes. As a rule, terms concerning the development of science and technology are got in written form.

Therefore, such type of they acquisitions which belongs to different fields of science are less changed, assimilation of terms by using of differ-

ent methods and making obey language rules takes a certain time. The process of term assimilation in the language is called an unification. But we should take into account that, settlement of the terms, unification and standardization are differentiated concepts in Literature. Collecting and choosing of the terms are commented in different methods in linguistic literature. Due to the thought of some linguistics, these processes are the same, and there is no need to separate them. But another one's rightly notes that these processes are fundamentally different from each other [1, p. 150].

Terms are collected from the different resources, then after the collection, begins the choice process of these terms. Among the early collected materials can be terminology of different branch and their synonyms, dublets and different options. Systematizing of terms, choosing of more correct and right versions, their provement (to prove the demands of the term given requirmenets on their registration process) are the main demands for the registration of terms. Registered terms should be right and clarify and their meaning must be clarifying when they registered into the specified area terminology. At the same time, the main condition of each term to be accurate term. Term have to express the concept exactly right. Terms are devided into two groups:

- 1) Terms which correctly directes the opening of the terminological meaning;
- 2) Terms which does not correctly directe the opening of the terminological meaning [2, p. 30].

Some of the terms do not sometimes give any information about the meaning of the terminology or the information is incomplete. Taking of these account M.İsmayılova devides terms into 4 (four) groups for the correctness degree: "during the research process, it is clear that there is incomplete terms that do not give information about the meaning of the terminology. For example, a parallelogram term. Parallel component imagines incomplete expression about parallel. Term does not give any information about parallel of opposite sides and square of the figure.

There is not any information about the meaning of trapeze. The term of trapeze does not give any information about the meaning of trapeze. Taking account the sayings, we consider that it is right to join the terms in 4 groups" [3, p. 153]. Researchers and lexicographer should be have a special ability in choosing of loanwords. As we mentioned there is not any languages without loanwords. We can face with loanwords particular in terminology. It is not accidental, because most times terminology layer of the language is an international. Due to Russian linguistic V. P. Danielko thoughts, loanwords with European origin play an important role in the formation of scientific style. "Acquisitions – main part of loan words entered from European languages and this process is going on. These languages – German, French and English languages had completed special lexics of the language at different times and different intensity. In fact, loanwords had played a special role in the formation

of special lexicology of scientific language, at present their role is increasing" [4, p. 119].

Scientific researches is conducted in all the world and this development creates new concepts, meanings and terminology units as well. New scientific units of the language enter vocabulary content of other languages in information exchange.

So, scientific exchanges, googlings (researching) creates initial condition for obtaining of terminology units. When the word or terms enter another language, they enrich the vocabulary content of that language. As we have already noted, it is necessary loanword concept in the terminology, there is no language without loanwords.

Loanwords should be completely assimilated words. The man who use this word, he/she should not understand foreign origin of the word. Acquisition (loanwords) and foreign words are differentiated for their use concepts in linguistics. A word is considered as an loanword after assimilation process. Acquisition is expected to be passed by the count of misappropriation of compliance with the rules of the language. Assimilation meaning is adoption of rules by loanwords. Sometimes there is some words in the language that can be observed in the years that their foreign character and not subject to the internal rules of the language. After making obey the rules of the language, some loanwords need a special research as a foreign word. Linguistic literature is not meaningful attitude the adoption of loanwords.

Some linguists consider that only words which makes obey to the rules of the language in phonetical and

grammatical point of view are loanwords. Adoption of word is the main process in lexicology. Adoption of words in phonetical and graphical point of view is also participate in the process. Because adoption process of word ends when those words learned in the language in phonetical and graphical aspects and they remain as well as they were in semantic aspect.

If the word from another language was included (entered) to a certain semantic group and synonym, homonym line in Azerbaijan language, if they widely used in scientific-literary style, if it can create as free and stable word combinations in orthoepic, spelling and semantic aspects in the vocabulary, these words can be considered such as assimilated words.

Such a conclusion can be mentioned the fact that, the any word is adopted and appropriated to the language over the years, sometimes this process can take centuries. For example, if we review the last orthographic vocabulary of the Azerbaijani language we will see this. So, the number of changes had been done since 2004. The verb term had been given as a verb, "kompyuter" had been given as "kompüter", and metafora (metaphora) had been given as metafor (metaphor). The term based on these words had been established with this principles. If we pay attention we can see adoption process on the basis of these words. As we know, the Arabian origin word – the verb was written via apostrophe and this sign meant long pronunciation of letter "e". However, the cancellation of apostrophe in our language, accelerated Arabism process. In result the words like a verb (fel means a verb)

began to use with the rule and norms of our language. We can already say that assimilation process of the words had been ended.

The same process happens with metaphor term. In contrast to the words in Arabian origin, the process of entering words based on European origin to our language began later. We should mention that there are many Turkish origin words in our language. The words which end with vowel letter after some period – after including of our language vowel letter falls.

For example, the words “apteka, anketa, mašina” – (a drugstore, a questionnaire and a machine) had lost the end vowel. The same process has been going on, now. A word computer is a process of later and it is used in several version in our language. Giving preference a word “computer” in the last word in the dictionary can be linked to adapt to the more general principles.

So in 2004 dictionary, the same type of term “produser”, “super computer” was used for (through) the vowel “ü”, but a word “computer” was used through (for) word combination “yu”. Due to our opinion, this option is more appropriate to refer to the internal grammatic rules of the language. This option is based on harmony norms. However, preference is given to a word “kompüter” in the dictionary. But the choice problem of a word “kompüter” had been solved. I preferred this option rather than the workers. Because employees who works in this area prefer to this version – “kompüter”. This version was used and published in the terminology vo-

cabularies. After a certain time, the loan words undergoing some change. For example, let's review a word “*abreviatura – abbreviations*”. How it was used in our language. The term is also multi-obtional in our language. This word is used as “*acronyms*” in Italian language (in Latin *abbrevio – means shorten word*). This term enters the Russian language by the same way. As the word was used to the same form before, later it was used in the form of *abreviatura (abbreviations)*. This word is used as “*abreviatura*” in orthographic vocabularies of 2004 [5, p. 20], 2013 [6, p. 24]. We see opposite of this in the vocabularies that prepared regarding abbreviations in Azerbaijan language. So, this word is given with double “b” in the vocabulary titled “Shortening words (acronyms) which used in the periodical press”, but it is used in only one letter – “b” in “Abbreviations Dictionary” which published in 2005. Generally, using of similar consonants in the word order in our language is not strong. Such type of loan words entered our language is adopted by time.

Conclusion. Adoption of European origin loan words in Azerbaijan language is going in several directions. “The process had been gone in four directions: 1) the phonetic point of view; 2) graphical terms; 3) phonetical-graphical point of view; 4) semantic point of view.

Phonetic appropriation develops in two directions: a) verbal phonetic learning; b) writing phonetic appropriation (the literary language) ” [7, p. 21]. Generalizing of whole process of learning is a continuous process and

it is the main factor in the development of the language. In this point of view, linguistics is always interested in following of this process and resaerching proccess of loan words appropriation.

Bibliography

1. Ismayilova M. A. Main issues of Terminology. – Baku : Elm (Science), 1999. – 100 p.
2. Brief handbook on the development and streamlining of the scientific and technical terminology. – M. : Hayka (Science), 1979. – 128 p.
3. Ismayilova M. A. Linguistic analysis of Azerbaijan language terminalogy. – Baku : Ozan, 1997. – 268 p.
4. Danilenko V. P. Russian terminology. Experience of linguistic description. – Moscow : Hayka (Science), 1977. – 246 p.
5. Spelling dictionary of Azerbaijani language. – Baku, Lider, 2004. – 728 p.
6. Azərbaycan dilinin orfoqrafiya lüğəti. – Baku : "Şərq-Qərb" (East-West printing House), 2013. – 836 s.
7. Garayev A. H. Lexical loan words based on European origin in modern Azerbaijan language. – Baku : "Azərbaycan Universiteti (University of Azerbaijan)", 1989. – 95 p.

© *Pashayeva G. B.*, 2017.

ЭЛЛИНИСТИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ РУССКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО СЛОВА И ОРИЕНТАЛЬНЫЙ КОНТЕКСТ

Р. Ф. Бекметов

*Кандидат филологических наук, доцент
Казанский (Приволжский)
федеральный университет
г. Казань, Республика Татарстан, Россия*

HELLENISTIC MODEL OF RUSSIAN LITERARY WORD AND ORIENTAL CONTEXT

R. F. Bekmetov

*Candidate of Philological Sciences,
assistant professor
Kazan Federal University
Kazan, Republic of Tatarstan, Russia*

Abstract. This article deals with the problem of the search of «internal roots» of Russian literary and figurative language. O. E. Mandelstam's, S. S. Averintsev's and Yu. M. Lotman's articles are analyzed; the Ancient Greek context of Russian verbal art tradition is considered; the Eastern concepts of Russian creative consciousness is emphasized. The author makes the analysis of the poem «Bather» by A. A. Fet from the cyclis of «Evening lights». This text is rightly interpreted on three interrelated levels: pragmatic, mythological, with the base on the ancient system of images, and creatively individual, with the focus on the eastern artistic content. The author also analysis other works by A. A. Fet. The tense «polyphony» of the different meanings is created thereby.

Keywords: Hellenistic model; Russian language; Russian literature; «East-centric turns»; reception; text.

Вопрос об эллинистических корнях русского художественного слова в отечественной филологии уже затрагивался. Об этом, в частности, писал С. С. Аверинцев, справедливо отмечавший, что книжная русская образность истоками своими уходит в древнегреческую почву и что этот факт сам по себе крайне примечателен, ибо содержит множество интересных и полезных следствий [1]. Ему же принадлежит мысль о необходимости «исследовательской ра-

боты по выявлению эллинистических моделей в древнеславянском литературном творчестве, а также по анализу конкретной литературной и внелитературной функции этих моделей» [1, с. 155].

И в самом деле, кто же, с одной стороны, будет спорить с тем, что русская книжная культура сложилась в значительной степени под влиянием византийского христианства, унаследовавшего не только греческую языческую древность, но

и ближневосточную мудрость, ту, что нашла наиболее полное отражение в библейском слове? Принятие христианства знаменовало собой не только политический поворот, а вместе с ним, да, пожалуй, и раньше него – выбор ценностных установок, растворившихся в большой переводной литературе (и это тот редкий случай, когда можно сказать, что перевод чужого формирует новую словесность в собственной среде, идет впереди, аккуратно и неуклонно прокладывая путь к вершинам оригинальности). Греки передали русскому слову стилевую пышность, нарядность, сплетение оборотов в тонком и изящном целом – то обостренное ощущение красоты, которое соседствует с чувством смысловой и мировоззренческой глубинности. Но одно дело – просто позаимствовать что-либо, взять на временное пользование, и совсем иное – внедрить в сознание, принять, увидеть себя в качестве того, кто продолжает традицию и не дает ей прерваться. О. Э. Мандельштам, конечно, был прав, говоря о том, что «русский язык – язык эллинистический» [3, с. 202].

С другой стороны, вполне оправдан прямой вопрос: как далеко простирается модель эллинистичности в русской словесной культуре? Абсолютна ли эта модель? Имеет ли она естественные границы?

Если подумать, то можно прийти к выводу об относительном характере ее присутствия в русском сознании: ведь она по большей части основана на противопоставлении, на отношениях и связях. Так, когда говорят об эллинистическом векторе

русского литературного слова, то имеют в виду прежде всего «созерцательность», «непрактичность», установку на «духовный поиск» – все то, чего, как полагают, нет в самой фактуре языков романо-германского мира, либо вышедших из латыни, либо испытывших на себе ее воздействие. С. С. Аверинцев об этой грани языка размышлял диалектично, указывая все же на принципиальное, «корневое» единство культур, которые разошлись и идеологически, и стилистически в силу особых исторических обстоятельств [1, с. 155]. О. Э. Мандельштам же был более категоричен. Для него «всяческий утилитаризм (функция западного языка и сознания. – Р. Б.) есть смертельный грех против эллинистической природы, против русского языка, и совершенно безразлично, будет ли это тенденция к телеграфному или стенографическому шифру ради экономии и упрощенной целесообразности или же утилитаризм более высокого порядка, приносящий язык в жертву мистической интуиции... голодному до слов мышлению» [3, с. 203].

Возможно ли обнаружение в эллинистическом типе слова чего-то, что не сводилось бы к эллинизму, а коррелировало бы с ним, пусть не на равных правах, но с заметным, выразительным акцентом?

На прецедент корреляции указывал Ю. М. Лотман, полемически возражая С. С. Аверинцеву (см.: [2]). Последний считал, что строка А. С. Пушкина «Слышу умолкнувший звук божественной эллинской речи» (о переводе гомеровской

«Илиады», выполненном Н. И. Гнедичем) настолько необычна, что отнюдь не в любой национальной литературе ее можно найти; только – в русской. «Уж если что слышится во французских словах, так это... латинская речь» [1, с. 153]. Ю. М. Лотман, в свою очередь, показал, что известный пушкинский стих представляет собой творческую переработку строки из французской классицистической трагедии Лагарпа «Филоктет»: «... j'entends les doux sons de la langue Grecque» («... я слышу сладкие звуки греческого языка»). А. С. Пушкин запомнил ее и потом неточно воспроизвел в письме к Н. Н. Раевскому (июль 1825 года). С текстологической тщательностью Ю. М. Лотман продемонстрировал, как трудно давалась поэту первая строка «На перевод Илиады» и как он, в конце концов, вышел из положения, вспомнив читанный когда-то отрывок из французской трагедии. Отсюда логичный вывод: средствами французского языка, несмотря на его латинские корни, можно создать иллюзию погруженности в эллин-

скую речь, и дело лишь в мастерстве, технике, формах подачи ауры иноязычного слова, а не в заранее предопределенных возможностях, вызываемых к жизни генезисом той или иной культуры.

Можно согласиться с этим продуктивным тезисом и, пойдя дальше, сказать, что в большом творческом сознании зачастую происходит диалог смысловых структур, как «очевидных», так и «неочевидных», их взаимодействие, и что если касаться специфики русского образного языка, то в нем обнаруживается целая гроздь семантических «элементов», пребывающих на разном уровне экспликации. В таком плане законный интерес вызывает сфера т. н. ориентальных (восточных) смыслов, «контактирующих» с эллинистическими в недрах художественного сознания. Чтобы понять, как реализуется эта весьма непростая связь, приведем конкретный пример.

У А. А. Фета в I выпуске «Вечерних огней» есть стихотворение «Купальщица» (1864):

Игривый плеск в реке меня остановил.
Сквозь ветви темные узнал я над водою
Ее веселый лик – он двигался, он плыл, –
Я голову признал с тяжелою косою.
Узнал я и наряд, взглянув на белый хрящ,
И превратился весь в смущенье и тревогу,
Когда красавица, прорвав кристальный плащ,
Вдавила в гладь песка младенческую ногу.
Она предстала мне на миг во всей красе,
Вся дрожью легкою объята и пугливой,
Так пышут холодом на утренней росе
Упругие листы у лилии стыдливой [4, с. 71].

Его нетрудно «пересказать»: главными действующими лицами выступают в нем «я» и «она»; «она» купалась в реке, а «я», проходя мимо, услышал «игривый плеск» и остановился, чтобы тайно, «сквозь ветви темные», посмотреть, кто «она», что являет собой в красоте тела и молодости; «она», далее, вышла на берег, а «я», взглянув на «нее», был поражен гибкостью белого стана, плавностью движений и – самое главное – той «дрожью», какую испытывала она, покинув речную стихию и оказавшись на береговом песке. Стихотворение состоит из трех строф, которые мы вправе свести к следующей схеме: «плеск в реке» – «незаметное подглядывание» – «стыдливый трепет обнаженной натуры».

Текст этот можно рассматривать на трех уровнях.

Первый – довольно поверхностный, ориентированный на логику житейского сюжета (о сюжете лирических произведений, как правило, не говорят, ведь лирика – это сгущенный «конденсат» эмоционального состояния; однако было бы правильным думать, что лирика все-таки оперирует событийной канвой – откуда тогда взять реакцию? на что опереться, описывая эстетическое переживание? – но она дается в осколочном виде, через систему подразумеваемых картин, которые, тем не менее, потенциально реконструируемы).

Второй – антично-мифологический, поскольку А. А. Фет воспроизводит в «пратек-

сте» образ Афродиты, после купания устало выходящей на морской берег. Одновременно образ усложняется сюжетом об Актеоне, подглядевшем обнажавшуюся в гроте Артемиду, за что его наказали, превратив в оленя и отдав на растерзание псам (естественно, поэт нейтрализует жестокую сцену древнегреческой мифологии в согласии с индивидуальным эталоном прекрасного). Тут нет богатой и украшенной тяжеловесности архаизированного языка, и все же стилистика беззаботной, легко-игривой описательности перебрасывает мост в позднеантичную традицию, воскрешая в памяти «Золотого осла» Апулея с его эротическими мотивами (которые, кстати, выразились в западноевропейской живописи на античные темы).

Третий – ориентальный, как раз объясняющий, почему античный сюжет не воплотился до конца (почему купальщица не обратила внимания на героя). Дело в том, что в ориентальной (скажем, средневековой арабо-персидской) поэзии сюжет «подглядывания за возлюбленной» распространен. Античный контекст, исходя из мифологического пассажа, накладывает на это определенный запрет: человек может видеть богиню в телесной открытости, но рассказывать о том, что видел, чему стал свидетелем, он не должен, ибо тайну лица, как и тайну имени, не разглашают. В восточной лирике (не в общественной жизни!) подобного рода табу фактически не было: поэт обыкновенно

наслаждался созерцанием красоты, которая отображалась в намеках («родинка на щеке», «черные глаза», «кипарисовый стан», «прядь нежных волос»). Важна была и позиция наблюдателя: трепет, очарование, внезапная влюбленность после долгого и томительного ожидания. У А. А. Фета, между прочим, упомянут «кристальный плащ» (метафора стекающих по телу водяных капель); у восточных поэтов он тоже встречается (правда, как простой плащ, без метафоризации) в качестве атрибута женской застенчивости, как встречается и соотношенность образа земной красоты с образом цветка (розы, лилии), покрытого утренней росой (ср. у А. А. Фета – почти ориентальное украшение: «Так пышут холодом на утренней росе / Упругие листы у лилии стыдливой»).

Сущность прекрасного у А. А. Фета, как у средневековых японских поэтов-буддистов, – в восторге от интуитивно воспринимаемой целостности бытия, целостности в лирических красках, звуках или линии пейзажа. Предел слова – заведомо рациональной категории – музыка, искусство беспредметное или, во всяком случае, мелодический элемент поэтической речи. Об этом в научной литературе говорилось много и хорошо. Стоило бы только добавить, что все аналогичного рода суждения у А. А. Фета не имеют исключительно оригинального смысла: по сути, это «чужие слова», ставшие краеугольным камнем воззрений одного человека. Ведь именно так, в обобщенных

очертаниях, конечно, без углубления в уводящие частности, видел мир и осознавал себя самого в нем восточный человек, восточная рефлектирующая личность. Это вовсе не значит, что западной художественно-философской мысли такое чувство сверхлогической постигаемости бытия не дано, будто оно тут напрочь отсутствует или недостижимо вообще. Нет, это неверно в корне. Однако для Востока означенный ход вещей наиболее типичен, привычен, как смена дня и ночи, понятен, всегда волнителен и воскресаем. Когда, положим, Будда, прогуливаясь однажды с учениками в роскошном саду, поднял случайно упавший на аллею цветок и улыбнулся, показывая его, – он, безусловно, совершил культурный жест человека, «обремененного» ношей восточного миропонимания. Цветок дал возможность Будде испытать трепет духа, процесс мгновенного озарения и принятия мироздания в вечной Красоте, и слова, сколь приятными и даже уместными они ни показались бы, все же не сумели бы передать вьющееся по душевному телу Будды настроение. Не все ученики смогли уяснить смысл «странного» жеста. Те же, кто понял, ответил тем же: поднял цветок и улыбнулся, испытав новое пробуждение. Апологеты буддийского учения впоследствии именовали сакрально свершившийся акт «Цветочной проповедью», и аскетически рассмотреть в бобовом зерне целый пейзаж, в скатившейся с лепестка лотоса капле утренней росы необъятный простор цветов и,

наоборот, силой долгой медитации разглядеть в большом – малое, макрокосме – микрокосм – стало для буддийских монахов задачей ответственной, заветной и бытийно необ-

ходимой. Ср. соотносительную иллюстрацию – стихотворение А. А. Фета «Окна в решетках, и сумрачны лица...» (1882) из цикла «Вечерние огни»:

Окна в решетках, и сумрачны лица,
Злоба глядит ненавистно на брата,
Я признаю твои стены, темница,
Юности пир ликовала здесь когда-то.
Что ж там мелькнуло красою нетленной?
Ах! то цветок мой весенний, любимый.
Как уцелел ты, засохший, смиренный,
Тут под ногами толпы нелюдимой?
Радость сияла, чиста безупречно,
В час, как тебя обронила невеста.
Нет; не покину тебя бессердечно,
Здесь, у меня на груди тебе место [4, с. 7].

Примечательным является замечание текстолога о том, что «Фет всю жизнь был в неладах с грамматикой» [4, с. 758]. Это крайне удивительно для гениального поэта, искренно считавшего вершиной русского школьного обучения хладнокровно-умный педантизм немецких правил, но все-таки объяснимо, если мы учтем неповторимо интуитивный склад фетовского мышления,

его изначальную глубинную растворенность в конкретно-отвлеченной ауре преходящих вещей и вечных знамений.

Последний пример. В стихотворении А. А. Фета «Измучен жизнью, коварством надежды...» (1864) звезды как далекие обособленные миры в небе наделяются женственно-антропологическим атрибутом – «золотыми ресницами»:

Еще темнее мрак жизни вседневной,
Как после яркой осенней зарницы,
И только в небе, как зов задушевной,
Сверкают звезд золотые ресницы [4, с. 14].

Это, с одной стороны, вызывает в памяти архаическое переживание звезд как «очей»; в более сложном плане за этим образом – гераклитовское представление о звездах как

«небесных чашах», в которых горит яркий огонь, питаемый испарениями, ср. как А. А. Фет мастерски воспроизводит античный, языческий контекст:

И так прозрачна огней бесконечность,
И так доступна вся бездна эфира,
Что прямо смотрю я из времени в вечность,
И пламя твое узнаю, солнце мира.
И неподвижно на огненных розах
Живой алтарь мироздания курится.
В его дыму, как в творческих грезах,
Вся сила дрожит и вся вечность снится [4, с. 14].

С другой – следовало бы иметь в виду, что, согласно современным английским ученым, воззрения Гераклита, мыслителя из Эфеса, на звезды имеют древнеперсидское (зороастрийское) происхождение. А кроме того, «женские ресницы» – явно восточный намек, обильно встречающийся в арабской, а также персидской поэзии суфийского толка (суфизм – одно из религиозно-мистических течений традиционного ислама); это малая часть сложно организованного литературно-философского метаязыка.

В конечном счете, приходится констатировать, что литературное сознание работает по принципу сложно организованного полилога, когда один смысл вступает во взаимосвязь с другим и вместе они образуют россыпь перекликающихся значений. Текст фиксирует этот процесс подобно тому, как камень готического сооружения консервирует музыку творческого замысла архитектора. В русском полилоге явного и скрытого необходимо сохранить ориентальный компонент. Именно он, как кажется, обогащает эллинистическую модель русского слова.

Библиографический список

1. Аверинцев С. С. Славянское слово и традиция эллинизма // Вопросы литературы. – 1976. – № 11. – С. 152–162.
2. Лотман Ю. М. О «воскреснувшей эллинской речи» // Пушкин. – СПб.: Искусство-СПб., 1999. – С. 373–375.
3. Мандельштам О. Э. О природе слова // Шум времени: воспоминания, статьи, очерки. – СПб. : Азбука-классика, 1999. – С. 197–218.
4. Фет А. А. Вечерние огни / изд. подгот. Д. Д. Благой и М. А. Соколова. – М. : Наука, 1981. – 816 с.

Bibliograficheskiy spisok

1. Averincev S. S. Slavjanskoe slovo i tradicija jellinizma // Voprosy literatury. – 1976. – № 11. – S. 152–162.
2. Lotman Ju. M. O «voskresnuvshej jellinskoj rechi» // Pushkin. – SPb.: Iskusstvo-SPb., 1999. – S. 373–375.
3. Mandel'shtam O. Je. O prirode slova // Shum vremeni: vospominanija, stat'i, ocherki. – SPb. : Azbuka-klassika, 1999. – S. 197–218.
4. Fet A. A. Vechernie ogni / izd. podgot. D. D. Blagoj i M. A. Sokolova. – M. : Nauka, 1981. – 816 s.

© Бекметов Р. Ф., 2017.

ТРЕБОВАНИЯ К СЛОЖНЫМ ТЕРМИНАМ ПО ЭЛЕКТРОТЕХНИКЕ В УКРАИНСКОМ И АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКАХ

Ю. Г. Карачун

*Преподаватель
Национальный технический
университет Украины
аспирант
Киевский политехнический
институт им. Игоря Сикорского
г. Киев, Украина*

REQUIREMENTS FOR COMPLEX TERMS IN ELECTRICAL ENGINEERING IN UKRAINIAN AND ENGLISH

Yu. G. Karachun

*Teacher
National Technical University of Ukraine
graduate student
Kiev Polytechnic Institute
named after Igor Sikorsky
Kyiv, Ukraine*

Abstract. The article deals with compound terminological unit requirements in modern science and technical texts in Ukrainian and English languages in the sublanguage of electrical engineering. Systemacy, exact definition, monosemanticity, optimal length of the terminological unit, stylistic neutrality, semantics exactness and high informativity are considered to be the main requirements of compound terminological units in both languages. But during the description of the situations, phenomena, processes, breakthrough in the science and technical sphere expressivity also is possible.

Keywords: term; scientific and technical text; definition; systemacy; monosemanticity; polysemy; expressivity; informativity; length of the term.

На сегодняшний день изучение научной терминологии украинскими и зарубежными учеными ведется в нескольких направлениях: теоретическом, прагматическом и практическом, которые предусматривают изучение природы термина, его места в системе языка, соотношение национальных и международных компонентов в современных терминотерминологических системах, систематизацию, коди-

фикацию, унификацию и стандартизацию научной терминологии. Считаем целесообразным рассмотреть основные требования к сложным терминам научно-технических текстов, выдвинутые отечественными и зарубежными учеными, а именно: системность, наличие точной дефиниции, тенденцию к однозначности в рамках своего терминологического поля, оптимальную длину терми-

на, стилистическую нейтральность, точность семантики, высокую информативность. Но все эти признаки реализуются только в пределах терминосистемы, так как вне ее термин теряет свои дефинитивные и системные характеристики – детерминологизируется, иными словами переходит в общеупотребительную лексику.

По определению Л. А. Симоненко и А. В. Крыжановской, **термины** – это номинативная система понятий (реалий) науки, техники, официальной речи, где каждый термин в конкретной отрасли имеет осмысленное значение в обществе [5, с. 15]. Термины должны оцениваться с позиции строгой принадлежности к системе, логичной и языковой обоснованности и в зависимости от их позиции в системе определенной научной или производственной деятельности. Таким образом, системность принято считать не только базовым признаком терминологии, но и одним из более важных условий существования терминосистемы. В современной терминологии считается, что термины могут существовать и выполнять свою функцию только в определенной системе (работы Т. И. Панько, И. М. Кочан, Л. А. Симоненко, В. П. Даниленко). По мнению Л. А. Симоненко системность терминов следует рассматривать в двух аспектах: словообразовательном и понятийном, при этом понятийная (логичная) системность не всегда совпадает со словообразовательной, что в своей работе отмечала В. П. Даниленко

(акцентируя внимание на существовании мотивированных, немотивированных и неправильно мотивированных терминов) [3, с. 67]. Е. Ф. Скороходько отмечает, что системность лексики предусматривает: системность плана содержания, то есть семантического уровня лексики; системность плана выражения или системность словесного наполнения, а также системность соответствия между планом содержания и планом выражения [9, с. 74]. Такое трехаспектное понимание, на наш взгляд, наиболее точно отображает сущность понятия системности в терминологии.

Понятие и термин связывает языковая дефиниция, которая в разной степени относится как к термину, так и к понятию. Дефиниция фиксирует самые важные черты, отражающиеся в семантике термина [7, с. 230]. Любой термин имеет свою дефиницию, которая выражается при помощи языковых знаков определенной формы, каждый формант имеет определенную степень обобщения, выражает определенную сему в дефиниции терминологических единиц [8, с. 5].

Однако специфика термина заключается не только в плане выражения, но и в плане содержания. Научный термин – языковой знак, которому приписывают то или иное значение, связанное с научным понятием. Но это значение, как правило, отображает основные признаки научного стиля, которые всегда шире значения, выраженного в дефиниции [2, с. 7]. Каждый термин должен соотноситься с понятием

определенной отрасли науки и техники и вступать в системные отношения с другими словами и словесными комплексами, образуя вместе с ними в каждом отдельном случае и в определенное время замыкающуюся систему, которая характеризуется высокой информативностью, однозначностью, точностью и экспрессивной нейтральностью [4, с. 15].

Терминологические единицы науки и техники должны быть однозначными (моносемантическими), для которых характерно всего лишь одно лексическое значение на обозначение одного научного и технического понятия. Несмотря на это, в английских и украинских научно-технических текстах встречается и полисеманτικότητα, так как термины имеют более одного значения предметов, явлений или процессов. Так, например, термин «**клапан**» в технике – это *деталь, заслонка или приспособление для контролирования расхода газа, пара или жидкости в машинах и трубопроводах путем замены поперечного сечения*; «**клапан**» в медицине – это *система манипулирования жидкостями для парентерального проникновения в организм*; в анатомии «**клапан**» – это *часть сердца, которая обеспечивает кровообращение в одном направлении путем блокирования артериальных и венозных проходов*; в инструментах духовой музыки термин «**клапан**» – это *элемент музыкальных инструментов, созданный для облегчения перехода на другую октаву*.

По мнению Л. Д. Малевич оптимальную длину термина «стоит

определять не по количеству компонентов в его составе, а по способности определенной вербальной конструкции выступать целостным обозначением научного понятия. Оптимальной может быть такая длина термина, которая способна точно передавать основные признаки определенного понятия» [6, с. 35].

Вопрос экспрессивности терминов является дискуссионным в современной лингвистике. Длительное время этой категорией пренебрегали, однако, в современном понимании экспрессивность терминов рассматривают как способ влияния на реципиента информации. В контексте нашей работы рассматриваем отсутствие экспрессивности или стилистическую нейтральность не как особенность термина, а как требование к нему. Этой точки зрения придерживается Г. О. Абакумова, которая считает, что одной из главных причин отсутствия эмоциональности является характер терминосистем, так как они разные по составу и функциям. Поэтому нужно различать область фиксации и область функционирования терминов. В области фиксации, например, в словарях, термин неэмоциональный, однако, в области функционирования требования к терминам не всегда совпадают с их реальным использованием [1, с. 85]. Существуют жанры научно-технического дискурса, где термины, как и в области фиксации, сохраняют нейтральность, однако, существуют противоположные по стилистическому характеру тексты, например, научный доклад, где эмоциональное и экспрессивное наполнение на первом

месте для достижения прагматической цели. Экспрессивность присутствует в тех терминах, которые способны передавать отношение говорящего к его высказыванию.

Л. В. Рахманин утверждает, что стиль изложения в научно-техническом тексте не всегда должен быть полностью нейтральным. Документ, например, может содержать просьбу, побуждение к действию, требование (очень часто в категорической форме) [3. с. 11]. Соглашаясь с некоторыми проявлениями экспрессивности, исследователь отмечает, что личностный, субъективный момент в научно-техническом тексте следует минимизировать. Считаем, что в процессе описания явлений, ситуаций, прорывов в научно-технической сфере эмоциональная лексика это реальный факт. В частности, для выражения оценки используют приемы употребления стандартных лексических единиц с усилительными словами *"more"*, *"the most"*, *"intense"*, *"зробити кращим"*, *"більшим"*, *"сильнішим"*. Также глаголы: *intensify*, *stimulate*, *promote*, *encourage*, *enhance*, *extend*, *increase*, *підвищити*, *сприяти*, *зміцнити*, *вдосконалити*. Эти термины имеют позитивную конотацию и задают оптимистический толчок всей информации.

Научно-технический текст получает оценочную окраску благодаря сравнительно широкому использованию прилагательных: *large*, *deep*, *exorbitant*, *vast*, *extreme*, *overwhelming*, *entire*, *massive*, *global*, *exogenous*, *enormous*, *immense*

tremendous, *powerful*, *disastrous*, *effective*, *колосальный*, *неминуемый*, *неперевершимый*, *враждающий*. Такого рода прилагательные обозначают гиперболизацию и интенсивность характеристик понятий или явлений науки и техники. В современной научно-технической литературе широко используют эпитеты: *gigantic plans*, *thorny problems*, *creeping annexation*, *root cause*, *sweeping actions*, *bright future*, *грандіозний прорив*, *яскраве майбутнє*, *далекосяжні плани*.

Наблюдается экспрессивность и в сложных существительных, которые образуются при помощи основ или же префиксоидов, например: *super-*, *ultra-*, *multi-*, *micro-*, *macro-*, *mini-*, *over-*, *супер-*, *мега-*, *гіпер-*, *екстра-*, *мікро-*, *макро-*, *ультра-*.

Термины как языковое выражение понятий конкретной отрасли содействуют формулированию и передаче специальной информации. Будучи наиболее важным средством научной коммуникации, они сами органично включаются в процесс и результаты научного познания. Как носитель коллективной профессионально-научной памяти, термин является активным участником специальной коммуникации, который способствует развитию познавательной и преобразовательной деятельности человека. Научная и техническая информация, сконденсированная в термине, основывается на предикации, которая играет универсальную роль как в языке в целом, так и в терминообразовании в частности. Термин является своеоб-

разной записью научно-технического знания, благодаря чему его объективное содержание представляет не только объект познания, но и умственный процесс, связанный с этим познанием.

Термин как единица языкового профессионально-научного знания аккумулирует общезыковую и специальную информацию, превращая ее в терминологическую, в этом и заключается информационная природа термина. Терминологическая информация имеет свою специфику и рассматривается как динамическое средство, призванное содействовать развитию творческой мысли и преобразовательной деятельности человека.

"Расшифровка" термина через его дефиницию должно согласовываться с терминологической информацией, которую несут ее отдельные терминологические элементы или внутренняя форма термина, то есть терминологическая информация кодируется при помощи конкретных терминологических элементов, которые имеют специальную информативность и определяют принадлежность определенного термина к открытому терминологическому ряду. В современный период информационной революции процесс называния специальных понятий актуален, поскольку является особенной номинативной деятельностью наряду с кодированием и декодированием, сохранением и обработкой терминологической информации.

Как видим, основные требования к терминологическим единицам, к сожалению, на сегодня не могут быть полностью воплощены прак-

тически из-за бурного развития терминосистем в украинском и английском языках, однако, попытки их реализации четко прослеживаются в работах по терминологии.

Библиографический список

1. Абакумова Г. О. До питання про експресивність терміна // Мовознавство. – 1981. – № 3. – С. 85–87.
2. Герд А. С. Еще раз о значении термина // Лингвистические аспекты терминологии. – Воронеж : Изд-во Воронежского ун-та, 1980. – С. 3–9.
3. Даниленко В. П. Лексико-семантические и грамматические особенности слов-терминов: исследование по русской терминологии. – М. : Наука, 1998. – 154 с.
4. Квитко И. С. Термин в научном документе. – Львов : Вища школа, 1997. – 142 с.
5. Крыжановская А. В., Симоненко Л. А. Актуальные проблемы упорядочения научной терминологии. – К., 1987. – 163 с.
6. Малевич Л. Д. Багатокомпонентні термінологічні одиниці і проблема їх кодифікації // Українська термінологія і сучасність: Зб. наук. праць. Вип. – К. : КНЕУ, 2009. – 216 с.
7. Морозова Л. В. Дифференциальные признаки термина // Ученые записки Калининского пед. ин-та. – 1969. – т. 64. – Вып. 2. – С. 223–249.
8. Сидоренко Л. М. Суфіксальні деривати в професійній термінології (нормативний аспект). Автореферат дис. ... канд. філол. наук. – К., 2004 – 19 с.
9. Скороходько Е. Ф. Точність терміна – реальність чи міф? // Українська мова. – 2008. – №1. – С. 69–78.

Bibliografickij spisok

1. Abakumova G. O. Do pitannja pro ekspresivnist' termina // Movoznavstvo. – 1981. – № 3. – S. 85–87.

2. Gerd A. S. Eshhe raz o znachenii termina // *Lingvisticheskie aspekty terminologii*. – Voronezh : Izd-vo Voronezhskogo un-ta, 1980. – S. 3–9.
3. Danilenko V. P. Leksiko-semanticheskie i grammaticheskie osobennosti slov-terminov: issledovanie po russkoj terminologii. – M. : Nauka, 1998. – 154 s.
4. Kvitko I. S. Termin v nauchnom dokumente. – L'vov : Vishha shkola, 1997. – 142 s.
5. Kryzhanovskaja A. V., Simonenko L. A. Aktual'nye problemy uporjadochenija nauchnoj terminologii. – K., 1987. – 163 s.
6. Malevich L. D. Bagatokomponentni terminologichni odinici i problema ih kodifikacii // *Ukraïns'ka terminologija i suchasnist'*: Zb. nauk. prac'. Vip. – K. : KNEU, 2009. – 216 s.
7. Morozova L. V. Differencial'nye priznaki termina // *Uche-nye zapiski Kalininskogo ped. in-t.* – 1969. – t. 64. – Vyp. 2. – S. 223–249.
8. Sidorenko L. M. Sufiksial'ni derivati v profesijnij terminologii (normativnij aspekt). Avtoreferat dis. ... kand. filol. nauk. – K., 2004 – 19 s.
9. Skorohod'ko E. F. Tochnist' termina – real'nist' chi mif? // *Ukraïns'ka mova*. – 2008. – №1. – С. 69–78

© *Карачун Ю. Г.*, 2017.

UDC 80

DOI: 10.24045/fv.2017.1.4

IMAGE OF THE QUEEN IN NOVEL BY S. TOWNSEND
“THE QUEEN AND ME”

A. I. Dzyubenko
Ya. A. Strezeva

*Candidate of Philological Sciences
assistant professor
student
Southern Federal University
Rostov-on-Don, Russia*

Abstract. The article touches upon the narrative ways of alternation of the sociocultural stereotype that has long been rooted in the minds of communicants perceiving the Queen of the United Kingdom purely as a stern, strong-willed politician depriving her of traits common to life. However, this stereotype is broken by the story that came under the pen of the English writer, Sue Townsend, who used intriguing methods to help the readers picture this situation vividly. The Queen and the Royal family have to survive in very intricate circumstances and every member of the family behaves differently in this challenging situation. The fictional discourse under analysis portrays the Queen in a most unexpected way worthy of investigation.

Keywords: narration; narrative structure; ludicrous and instructive piece of fiction; rhetorical question.

The institution of monarchy has long been serving as a vehicle of not only ruling different bodies within the structure of a state, but also as a living symbol of some stability, long-lasting tradition and inviolability. It has also turned into one of the sociocultural stereotypes that exist about the British nation. All these points are skillfully opposed by the whole narrative structure of the novel “The Queen and I” by S. Townsend.

The stereotypes can be formed by the characteristics one nation has of

the other, of the culture of another nation and of all phenomena that make up the conceptional base of the latter: norms of verbal and non-verbal behavior, cognitive categories, prejudice and superstitions, moral and etiquette rules, customs and traditions [2, c. 43]. Among the classes of stereotypes the researchers tend to distinguish among verbal behavior; non-verbal behavior (gestures, body language); national character and other nations’ ideas of it; social situations and the behavior in them; the peculiarities of the way of

life and routine of a particular nation; cuisine; religion and national rites [1, c. 392].

The driving pertinent question that arises while the reader plunges into the plot of it centers around the idea if the life of the Queen can anyhow be made equal to the ordinary people's one and if there can be any peaceful ways to alter the lives of present monarchs. That was the point of Sue Townsend who managed to find intricate narrative methods and positive answers to the questions mentioned. Her work is both ludicrous and instructive piece of fiction in which the Republicans chaired by Jack Barker took over the power of Great Britain and demolished the monarchy. The Queen had to move to the two-bedroomed semi in Hellebore Close (known as Hell Close) with her family. She had to learn what it is like to be an ordinary and poor person.

During her life in the Hell Close, she was to meet a lot of difficulties and of course, the Queen was not ready for them. At first, she was devastated about her moving to the new place: «The Queen was tired – she had never been so tired. She could not make any decisions. She wanted to retire to her room in Buckingham Palace, where her nightgown would be laid out. She wanted to slide between the linen sheets and drop her head onto the soft pillows and sleep for ever, or until somebody brought the tea tray in the morning» [3, p. 18]. Furthermore, she got irritated by her premises and neighbors as she encountered constant misunderstanding among them (starting with phonological difficulties they had while talking to the ex-Queen and

ending with too shabby conditions she was to have dwelling in Hell Close). Being a ruler she should have known that the level of education was low in certain districts of the country but facing these domestic grave problems she forgot all the widely accepted facts and had to go through them herself. She is portrayed as a fighter who doesn't lose the inner power even feeling humiliation and sarcasm aimed at her. The former royal could not believe that it was happening to her and ironically this situation "nonsense" hoping that soon it would come to an end.

The Queen had to do many things she was not used to in the Buckingham Palace: she had to handle money matters, to run the house, to get food and allowances. Above all that, she had to walk the dog named Harris in such frosty weather that when her breath puffed out it was white and visible in front of her: «She put on a coat on over her nightdress and cardigan and tried to open the door. It was extraordinarily difficult. True, it was years since she'd opened the front door of any house» [3, p. 47].

Furthermore, she had troubles with dressing by herself: «How very awkward it was to dress oneself, how fiddly buttons were! Why did zips stick so? How on earth did one choose what went with what?» [3, p. 47]. In other words, the narration illustrates the evolution of a stern politician and a ruler with the nerves of steel into an ordinary, soft-hearted, fragile woman who is to hope for no one's help and worthy of sympathy of the least educated people she has ever met. «The Queen and I» provokes deep thinking of a

problem that is worded by the Queen herself in a form of a rhetorical question «How did one *manage?*». The question is repeated several times in various parts of the narration: «There is so much to do thought the Queen. So many tasks. How do ordinary people manage?» [3, p. 48]. This is the starting point of her becoming meditative of her real ex-subjects' struggle through their lives feeling permanent need for money and social support. Living in Hell Close as an ordinary person she was wondering how people survive in this world.

The Queen also had to face health problems. When in need of medical care, she had to wait for 5 hours to be examined. She was shell-shocked when the doctor said that it was *normal*: «The queen sank back onto the hospital trolley and closed her eyes tightly against the prickling of tears gathering behind the lids. She must control herself at all costs» [3, p. 51]. Despite all the hardships that came in the way of the Queen she is described as a strong-willed person who tries to survive in these circumstances. Of course, she complained about the lack of money and worried about her son Charles being behind bars, but she was the only one who pulled herself together and tried to do something useful for her family, especially for her husband. During their life in the Hell Close the Queen felt quite lonely because she didn't get any support from him. S. Townsend deliberately describes Philipp as a whiny, arrogant and self-centered man who is outshined by a business-like, optimistic royal spouse «Before the election he had appeared to be a vigorous man,

immaculately dressed, with a healthy pink complexion and an arrogant bearing. But now he is the broken wreck» [3, p. 60].

However, going through all these physical difficulties the Queen finds metaphysical freedom that made her psychologically relaxed: «What must it feel like to open one's mouth and scream? The Queen stood over the washing-up bowl and gave a tiny, experimental scream. She tried again, «Aaaaaaaarggh!!!». Her throat opened wide and the Queen could feel the scream travel up her lungs, overflow her windpipe and roar out of her mouth like a British lion!» [3, p. 100]. That yell is the symbolic but at the same time colourful way of pinpointing the ruining of the stereotype of the Queen's being constantly reserved and well self-controlled.

So, the narration under analysis created by S. Townsend is a perfect example of occasional methods invented by the author to break the long lasting stereotypes communicants have of the ruling monarch. With such an objective, the writer finds it possible to either change the dwelling conditions – decreasing the comfort level to its minimum, the personal well-being or even resorts to contrast aggravated by colorful antithesis that can be seen in the collaboration the ex-royal has with her neighbors. S. Townsend having a whip-crack style manages to describe within a narrative framework a whole chain of psychological and physical processes' evolution taking place in the mind and life of a well-known representative of the ruling royal family, thus contributing to al-

ternation and at times ruining of the rooted stereotypes.

Bibliography

1. Бетанова Д. А. Стереотипы и их роль в процессе межкультурной коммуникации // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. – 2011. – № 4. – С. 390–395.
2. Леонтьев А. А., Тарасов Е. Ф. Национально-культурная специфика речевого поведения. – М. : Наука. 1977.
3. Townsend S. The Queen and I. – London : Penguin Books, 2012. – 267 p.

Bibliography

1. Betanova D. A. Stereotipy i ih rol' v processe mezhkul'turnoj kommunikacii // Aktual'nye problemy gumanitarnyh i estestvennyh nauk. – 2011. – № 4. – S. 390–395.
2. Leont'ev A. A., Tarasov E. F. Nacional'no-kul'turnaja specifika rechevogo povedenija. – M. : Nauka. 1977.
3. Townsend S. The Queen and I. – London : Penguin Books, 2012. – 267 p.

© Dzyubenko A. I.,
Strezeva Ya. A., 2017.

BYRONIC HERO, LITTLE MAN OR SUPERFLUOUS MAN

L. Khanjani
H. Fallah Binakar

*Ph.D., assistant professor
student
University of Guilan, Rasht, Iran*

Abstract. Byronic hero, in English literature, and little man and superfluous man, in Russian literature, which respectively, have been developed by George Gordon Byron and Alexander Pushkin, later, has become a symbol or a criterion to writers and poets. They are heroes with unique characteristics, which have led to extensive development in the style of writing and storytelling. This paper is trying to study the characteristics of Byronic hero, Little man, and the Superfluous man, and after examining them, remarkable literary works and their origin, find that if lord Byron's Byronic hero, in English literature is the same "little man" of Russian literature or its "superfluous man"; and in general, what is the effect(s) of Byronism on Russian literature and development of its heroes.

Keywords: Hero; Literature; Byronic Hero; Little Man; Superfluous Man.

Russian literature, which currently has a special status and position in the world of literature, compared to English and Europe literature, has had a relatively late initiation. While the world of literature was changing in other countries due to introducing different literary styles, in Russia, feudalism and the hierarchy of nobility still dominated on education and learning. Learning and literacy belonged just to a particular group, and in addition, since Russia claimed that is an independent and self-sufficient country and don't require communication with other nations, translation was also forbidden, therefore reading literary works among the upper classes was possible only through original language. This is why Russian literature, before the permission of Peter the Great to translation in the 18th century and familiarization with the literature of other

countries, was a backward country in the field of literature, and why Russian literature in 19th-century is as the world's literature in classical period, i.e., the centuries 15–16. But, little by little, as a results of great revolutionary developments in the late 18th and early 19th centuries, which includes a series of industrial, economic and social developments, as well as communicating with other countries, writing something other than history and some courtly plays, despite imposing severe government censorship, became popular, and fiction, poetry, novel, and totally literature flourished.

By initiation of writing fiction and novel, characterization and creating heroes in literary works, also become more coherent. It is worth pointing out that he culture of Russians, their lifestyle, and their ruling system, which may differ from other countries, have

significantly affected Russian literary heroes, and the reaction of characters in fictions have been influenced by the period that writer lived in it. Most of Russian heroes in the 19th century are little man or superfluous man, however at the same time, in England, where romantic style was common, Lord Byron had created Byronic hero.

There are a few studies on comparing heroes in Russian literature and Byronic hero, as well as this question that whether Lord Byron's Byronic hero is the same little man in the stories of Pushkin and Gogol, or superfluous man of Pushkin and Turgenev; and this paper tries to achieve an appropriate answer to this question by studying characteristics of these heroes and their reaction toward events. To this end, initially, introduce these heroes.

Little man has an important position in Russian literature of 18-19th century and has attracted the attention of most writers; and since each of these writers have their own way to portray little man in their works, it has changed over years and this change is very important to understand the whole of Russian literature in the 20th century. The theme of the little man, in literature, is along with human traditions. Writers such as Pushkin, Gogol, Lermontov and Dostoyevsky have chosen this theme. This theme reflects the lives of ordinary people with all their experiences, problems and entertainment. Writer undertake difficult task of showing and describing the lives of ordinary people. Little man is representative of all people and each writer shows it in its own way.

Karamzin is the first writer who discovered the world of our little man. His greatest impact is due to "Bednaya Liza"(Poor Liza), the story of a country girl, who committed suicide after a tragic romantic relationship; this work of Karamzin has opened the way to future writers such as Pushkin, Gogol, Chekhov, and Dostoyevsky. However, in fact the most prominent writer of little man's world is Pushkin, who not only is contemporary of Lord Byron, but also in aspects of social class, physical appearance and somehow a defect in appearance, longevity, literary style, and many others things has similarities with him.

Pushkin and Gogol's heroes are the best representatives of Little Man. Pushkin looks his heroes from outside and does not separate them from society. Now the question is: who is Little Man of Pushkin's work, as creator of this type of character. Little Man, in fact, refer to a little social position, i.e. one of the lowest social hierarchy and human position that receive little attention, if any; because, his world and ideals are little and restricted, and along with a variety of obstacles and problems. He never attracts others' attention and has always been forgotten and humiliated. His life has small joys and his problems seem trivial and even does not seem worthy of attention. Little man lives unconsciously and completely as dead. But, they, sometimes, depending on the circumstances, and in compliance with the cry of their souls, try to fight against the authorities and stop injustice. This man is weak in dealing with life. Sometimes might protest, and always, as a result

of this protest and rebellion, there will occur a critical event that result in death.

Theme of Little Man is prominent in Pushkin's verse tale of the *Bronze Horseman*, which is considered as one of the most influential works in Russian Literature. The main theme of this verse is conflict between the needs of government and the needs of ordinary citizens. Pushkin, in this poem, narrates the fate of Eugene and his beloved, Parasha, during the floods of the River Neva. Eugene, the hero of this work, after the death of Parasha, and in a fit of rage, curses the bronze statue of *Peter the Great* on the horseback, he is mad at *Peter the Great* for the founding *Saint Petersburg* in a bad weather area, and indirectly believes he is responsible of his beloved death. he is so mad that think the statues is alive and even the horseman pursuing him; the poem closes with the discovery of his corpse in a ruined hut floating on the water. In this work, a Little Man, Eugene, is fronted the government. He, even at the moment that is very angry, dares to threaten horseman. This is a Little Man, who rebelled against the government; as a result, there is no end to him except death.

There is a distinction between Eugene, the hero of Pushkin's the *Bronze Horseman*, and Eugene the hero of his *Eugene Onegin*. The Former is a Little Man but the latter is Superfluous Man, which apparently are not alike! This distinction refers to arrival of a new artistic movement of Romanticism to Russia. Romanticism that Byronism and George Byron's *Byronic Hero* are its prominent characteristic; perhaps, a

brief review on this movement is useful to confirm that is there any distinction or not.

George Gordon Byron, who is known simply as *Lord Byron* is one of the greatest poets in the Romantic Movement at the late 18th and early 19th century. He experienced a lot of riot, despite his short life. He spent most of his time on dissoluteness and self-gratification. Romantic relationships that Lord Byron experienced in life, made him as true sample of *Don Juan*, one of his heroes; so that, eventually had to leave England forever. What have highlighted him among other writers were the characteristics of his heroes.

What has created Lord Byron – the great English poet-undoubtedly is one of the most important phenomena of literary history and social thoughts. His poetic works has embodied the most important aspects of his era. His poem was direct response to great revolutionary developments of the late 18th century and early 19th century, which is common theme of European Romanticism, as a specific path of spiritual life in that time that emerged as a reaction to the French Revolution and training [2, p. 378].

Prior to Byron, the dominant genre in the poetry was epic. Byron was first one who created new lyrical poetry, which later, in the 19th century expanded in literature world. 19th century, which is the era of dramatic social developments, and the period of collapsing Feudalism and emerging Capitalism, was along with bourgeois revolutions, which despite expectations were not associated with freedom and justice. Now, the thought of people

had changed and despite the weakness of social development, they found that returning to the past time is not possible. In these difficult circumstances, a wave of new ideas and conflicting emotions which were trying to form a new world, led to creating artistic movement that called Romanticism.

It can be claimed that Byron, before being a poet has been as idol of his generation, not only in England, but also in all the Europe. His poems were read and immediately imitated. His works are one of significant phenomena in the history of world literature and social thought. The most important issues of his era have embodied in his works. Although he was committed to enlightenment ideals and classicism aesthetic, he is a romantic poet. Enlightenment ideas in his works are represented in a new form and without previous optimism and his main dream is human freedom.

One of the main reasons of distinctive influence of Byron, compare to his contemporary literary style was rooted in this fact that he protested more comprehensive against the position of boring bourgeoisie. Widespread despair of Revolution and global regret about freedom of the world, along with perceived imagination of human revolution lead to the abstractive nature of this protest. Byron became the master of torment and raiser of social conscience, and this is highly distinctive in the history of Byronism.

Byron, through his works which display the violence, historical and unusual situation drama, has found great influence and reputation in Europe. Goethe calls Byron "*the greatest geni-*

us of our century". His trip to Europe resulted in writing two parts of his narrative poem, *Childe Harold's Pilgrimage* (1812). Although this poem is a comedy – epic work about the adventures of a young man, who travels to Europe, at the same time, is a sharp satire against London society at that time. This poem includes elements that make it as Byron's life, because he has written this work based on some experiences from his trips between 1809 and 1811. Of course he rejects any form of relationship and similarity between Harold and himself.

Childe Harold is the first romantic hero of Byron's poems; a character that has no similarity with literature's traditional heroes; a character with vague spiritual desires and dissatisfaction with the world and wisdom. The hero that is called Byronic Hero has strong ideals and motivation on particular issue, however, in general, has characteristically a lot of weakness, and sometimes commits actions that socially are abominated. Perhaps, some of his behaviors and actions are unethical, and perhaps, as much as he does good deeds, does bad ones, but does not aim to satisfy his wickedness and evil nature. Byronic hero is often male, and has physical attractiveness, complexity, and high intelligence, and emotionally is very sensitive, so that make him an extremely erratic person. This hero is often extremely introspective, and may be described as a bitter and thoughtful person; he often is pessimistic and tired due to his mysterious, bothersome and dark past; has strong personal beliefs, beliefs that generally are in conflict with the val-

ues, conditions and norms of society. He thinks his values and concerns are more important than the values and concerns of anyone else. He, frequently, is involved in a romantic relationship, which usually does not have a happy end and often leads to a duel. *Harold*, the hero of *Childe Harold's Pilgrimage*, was dedicated his life just to leisure and pleasure and felt loneliness in the world. He is low-spirited and tired, despite of having a famous and noble family and a life full of leisure and pleasure, and perhaps mentally is ill. He decides to find a new world, so leave his country, which has become as prison to him.

The impact of this work on writers and artists of the Romantic period and writers of Gothic style, in the 19th century is significant. The main characters of novels such as *The Hunchback of Notre-Dame*, *The Count of Monte Cristo*, *Wuthering Heights*, *Jane Eyre*, and other English literary works, are somehow, Byronic Hero. Of course, these characters in the works of *Dickens* have changed to new mood.

Romanticism or perhaps Byronism also had a significant impact on development of Russian literature. The first encountering of Russians educated society with Byron's works has been in year of 1920s. During 1820 to 1826, some of his poems were translated into Russian, and before that, the Russian intelligentsia were familiar with some of his works in the original language. Byron's creativity has stimulated Russian literature development, awakening the mind and ethical concerns. The impact of Byronic Hero has been revealed in characterization of Russian

literature, which will discuss later. It should be noted that Russian literature heroes are known by names such as Little Man, Superfluous Man, and sometimes Wandering and Unknown man that latter ones are beyond the scope of our discussion.

Romanticism in Russia has perceived since Pushkin and Lermontov time. Relationship between studying Byron's creativity, not only along with the effect of its subsequent literature that includes Russian literature, but also with much of his work, according to new literary genres, is an innovation in various fields of poetry. Byron's years of living are fraught with events that have influenced history of the world. It is reasonable that assume Romanticism formed by French Revolution, the Great Patriotic War 1812, the character of Napoleon, and feelings of freedom in the global community.

The 19th century is along with unprecedented growth in all domains of social – artistic life. As Belinsky famous Russian critic-says separating country's culture is not possible, and it is natural that assume the literary community is not limited to a particular country and the way of learning, understanding and appreciating the creativity of other countries is open. And now the question is that, whether the works of Lord Byron influenced Russian literature or not? The answer definitely is *No*. Therefore, how much have been the impact of Lord Byron on Russian poets and writers?

Byron has inspired many followers of freedom idea. Information about Byron arrived Russia quickly and after publication of *Childe Harold's Pilgrimage* in French. Now that Byron

had created a new language to express, all classic genres of poetry shattered, and Russian poet encountered a way, free from boring patterns of poetry; and there was a perfect and creative style to express thoughts, feelings and attitudes of man in 19th century.

Byron's works have had great influence on creation of some poems by Pushkin. Poems such as *Poltava*, *The Prisoner of the Caucasus*, and *The Fountain of Bakhchisarai* are some of them. Pushkin thought many of Byron's works and perhaps due to his influence emerged as a poet. The theme of freedom has considerable position in Pushkin's romantic poems. During years of exile in the South, i.e. the years of 1820 to 1824, the influence of Romanticism and Byron has been very outstanding in his work. In these years, he became familiar with Byron and his work in French. Now, freedom, almost had become the main theme of his work, and it was due to disappointing from all previous ideals, and lack of believing their realization. Now love of freedom and wish of releasing from prison had become his romantic dream. For instance, in *the Prisoner*, he has compared himself with a free bird, a young eagle, who wish fly to far distance; eagle that is symbol of freedom in romantic poetry. He gradually, composed some other poems under influence of Byron.

Dominating conditions in Russia, during 19th century, and particularly during the period of Nicholas I, has led to formation of a new character type in Russian literature, which somehow was similar to Byronic Hero. The concept of ***Superfluous Man***, for the first

time, introduced between 1830s and 1840s, in Russian literature. This Character, for the first time, formed in *Eugene Onegin*, by Pushkin, between the years 1825–1832, matured in *A Hero of Our Time*, by Lermontov, and culminated in the *Diary of a Superfluous Man* by Turgenev.

Belinsky believes superfluous man is the yield of Nicholas I era and his reactionary sovereignty, in which, high educated members of the community were deprived from entering government system. They did not have another option to express their inner talents and therefore, adopted a passive life. David Paterson describes Superfluous Man, not merely other literary type, but also a pattern of a man who has lost a thing, a place, or a nature in the life, and finally, introduces him as forlorn man [1, p. 1–3]. Superfluous Man- an alone and outcast man that reveal a painful phenomenon of Russian society spiritual life- has arose from the crisis of social system. Superfluous Man who is known as Byronic Hero in the works of Lord Byron and according him is a person who has left alone in the world, has obvious moral advantage. Belinsky believes that this character mainly is man of word not action, and this is not his fault, instead the fate has surrounded him; he is a man who has no noble goal and thinks he should has, and believe nothing; As a result of selfishness, he doesn't even like himself, and everything is boring to him.

Superfluous Man is representative of a man with remarkable ability that belonged to the upper class, and cannot flourish his talents in the era of

Nicholas I. He is belonged to a noble family; and abhors the bureaucracy. He often, makes busy himself by unimportant entertainment. His life style leads to duel, gambling and other destructive behaviors. He mentally is fatigue and full of doubts between words and action. This hero, not only gets into trouble, but also brings to misfortune female character of story, who loves her. In general, he is a controversial figure, which is in conflict with society; has disputed relationships with his parents, has failed in love, and has an unstable position in the society; and often is victims of a duel. Pushkin's Eugene Onegin is also an intelligent, highly educated hero that has suppressed others; he is charming and mysterious; attracts females irresistibly and is out of the society and the law.

Among Byron's works, Childe Harold Pilgrimage has great influence on creation of Pushkin's Eugene Onegin, the first work that can be considered as symbol of Superfluous Man in Russian literature. Eugene, Superfluous Man of this book, who inherits a landed estate from his uncle, to escape his everyday life, moves to the country, and there, becomes familiar with a beautiful girl, Tatyana. And although Tatyana becomes intensely drawn to him, he fall in love with Olga her sister and the fiancé of his friend, Vladimir Lensky, and this forbidden love leads to a duel, which during it, Onegin unwillingly kills Lensky, therefore quits his country. After that, Eugene Onegin became uninterested Olga. Tatyana also married and went Petersburg. Over the years, Eugene sees Tatyana along with her husband, and this time fall in love with the girl, whose love he had once

turned away, and so on. It should be noted that, Pushkin has rejected Byron's influence, and as we can see, his Eugene Onegin reflects poetic independence of this Russian genius that is a reality resulted from a thinker brain [3, p. 6–8]. Remarkable point is that after death of Byron in 1824, both Romanticism and Byronism died to Pushkin, and he bid farewell the South and Romanticism by the end of his exile.

Mikhail Lermontov also, in "A Hero of Our Time", by introducing Pechorin as Superfluous Man to his contemporary society, matured this type of character. Lermontov has written this book during 1838–1840 that is considering as the first social - psychological novel in Russian literature, and all attention of the writer has paid on discovering the inner world of hero, dialectic of his soul, psychological analysis of his emotions and affections, and the history of humanity spirit; Pechorin, hero of this novel, is an intellectual aristocrat in the reign of Nicholas I, that is considered both product and victims of that period. He, either in terms of job or mental reactions is a warrior. Lermontov's Superfluous Man is more individualistic than Superfluous Man in works of Pushkin [3, p. 1–3]

Despite all similarities between characteristics of Superfluous Man in Russian literature and Byronic Hero of England, this type is somehow in contrast to Little Man. In theme of little man, there is an excuse to fate, and contrary, in Superfluous Man, categorized incentives are dominated, which may be related to revolt of hero or are resulted from him. Superfluous Man potentially is able to do anything; he

has the confidence to change anything, but Little Man, due to the society that lives, is powerless, and not only is powerless to change anything, but also self-confidence is dead in him. Ac-

cording to the texts and what have mentioned, comparing the characteristics of these three character types are presented in the following table:

Characteristics of the Little Man, Byronic Hero, Superfluous Man

Little Man	Byronic Hero	Superfluous Man
Low social position Alone, outcast of society Forgotten, humiliated Victims of bureaucracy and government Without extraordinary abilities and talent Small happiness Small aspirations Introspective Unconscious life Weak people Without confidence Inferiority complex Harmless Seemingly unimportant problems Revolt resulted in death	High social position, well educated, nobility Alone, outcast of society Controversial figure, in contrast to custom Abhors the bureaucracy Karamzik and mysterious, physical attractiveness Worthless entertainment Great ideals Introspective Unconscious life Weakness of character Superiority complex High intelligence Disputed relationships with parents Sensitive and moody Pessimistic and mental fatigue Romantic involvement with unpleasant end Coercion to leave the territory Victim of duel	High social position, well educated, nobility Alone, outcast of society Controversial figure, in contrast to custom Abhors the bureaucracy Karamzik and mysterious Worthless entertainment Great ideals Introspective Unconscious life Many doubts between words and action Superiority complex High intelligence Disputed relationships with parents Gamble Pessimistic and mental fatigue Romantic involvement with unpleasant end Coercion to leave the territory Victim of duel

Conclusion

Each writer, according to his/her interests and writing style creates a hero with special characteristics. Little man, superfluous man and Byronic hero, three heroic types of 18th and 19th centuries, in Russian and English literature have their own features and characteristics that sometimes are sim-

ilar and common. Both Pushkin, the creator of little man, who first time considered heroes from outside, and the first one who has created superfluous man influenced by Byron, and Byron, whose hero is a symbol of Western Romantic, have tried to make their hero more tangible to readers, by highlighting some characteristics in them.

Weak and outcasts men of lower class – little Men – and apparently more confident and outcasts men of upper class – Superfluous Man, and Byronic Hero, despite all differences, have common characteristics. Apparently, there is no similarity between them, but, the origin of all is one. All have same fate, all are outcasts and sentenced to death; a death that is definitely not physical. Perhaps a death due to rebellion against the government, or a death as a result of poverty, and perhaps a death by duel. In fact, all three of these characters are weak. It seems that Byronic Hero and Superfluous Man are opposite to Little Man, and apparently are wealthy and powerful, but in fact have internal weakness. Perhaps Pechorin, superfluous man of "A Hero of Our Times", which is the first psychological novel of that era, is evidence to this word. Investigating changes of these three heroes in literature of Russia and England, and later literary, 20th and 21st centuries, and this fact that what is prominent characteristic of these heroes in contempo-

rary period can be the subject of future study.

Bibliography

1. Доброзракова Г.; Алиханов и Печорин : автобиографический герой Сергея Довлатова – лишний человек Нового времени. 2011.
2. Жирмунский В. М. Избранные труды – Байрон и Пушкин. Пушкин и западные литературы. – Л. : Издательство «Наука», 1978.
3. Калинин Н. Влияние Джорджа Байрона на русскую классическую литературу. 2016.

Bibliography

1. Dobrozrakova G.; Alihanov i Pechorin : avtobiograficheskiy geroj Sergeja Dovlatova – lishnij chelovek Novogo vremeni. 2011.
2. Zhirmunskij V. M. Izbrannye trudy – Bajron i Pushkin. Pushkin i zapadnye literatury. – L. : Izdatel'stvo «Nauka», 1978.
3. Kalinin N. Vlijanie Dzhordzha Bajrona na russkuju klassicheskuju literaturu. 2016.

© *Khanjani L.,
Fallah Binakar H., 2017.*

МЕТАТЕКСТОВЫЕ ФУНКЦИИ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ДЕТАЛИ В ПРОЗЕ И. А. БУНИНА

А. А. Буров

*Доктор филологических наук, профессор
Пятигорский государственный
университет*

Г. П. Бурова

*доктор филологических наук, доцент
Пятигорский медико-фармацевтический
институт
г. Пятигорск, Россия*

METATEXT FEATURES OF ARTISTIC DETAILS IN I. A. BUNIN PROSE

A. A. Burov

*Doctor of Philological Sciences, professor
Pyatigorsk State University*

G. P. Burova

*Doctor of Philological Sciences
assistant professor
Pyatigorsk Medical and Pharmaceutical
Institute
Pyatigorsk, Russia*

Abstract. The paper analyzes the use of artistic detail in Bunin's prose as a marker of copy-right overtones. It is one of the major metatext operators and author's retaining a hint of the special importance of this segment in the text. The image detail is one of the regulators of the correlation "text-metatext", forming a dynamic balance of narrative and linguistic identity of the author.

Keywords: artistic detail; text; matatext; Bunin's prose; linguistic identity of the author; metatext operator.

Художественная деталь (далее – ХД) играет важнейшую эстетическую роль во всех *областях образности* [ср., например, в живописи: 11]. В сфере словесных образов ХД выступает емким и ярким маркером авторского идиостиля. Она является одним из важнейших метатекстовых операторов, фиксируя авторский намек на особую значимость опре-

деленного текстового отрезка, чья позиция связана с наличием подтекста. Образная детализация становится одним из регуляторов корреляции «текст-метатекст», образующей динамическое равновесие авторского повествования и его присутствия в тексте и личного участия в организации нарратива и форми-

ровании отрезка языковой картины мира.

В соответствии со сложившейся традицией, ХД является прерогативой литературоведческого анализа и ее исследователи сходятся во мнении, что это одно из средств создания образа: выделенный автором компонент (от франц. *detail* – подробность, мелочь, частность) художественного образа (по К. А. Долинину, ХД – неполный художественный образ [8]), несущий значительную смысловую и эмоциональную нагрузку, и способствующий достижению исчерпывающей полноты изображения. При определении ХД внимание обращается на то, что это «особо значимый, выделенный элемент художественного образа, <.> микроэлемент образа: портрета, пейзажа, быта, действия, поступка, изображенной речи» [12, с. 56]. Учитывается, что портретные, пейзажные, вещные и психологические детали могут быть как статическими, так и динамическими [9]. Поскольку ХД имеют предметно-денотативный характер, который обуславливает выбор основания их классификации, последняя должна учитывать, по мнению Ф. В. Путнина, «преимущественно предметные подробности быта, портрета, пейзажа, интерьера, а также жеста, субъективной реакции, действия и речи (так называемая речевая характеристика)» [13, с. 90]. Заметим, что, в принципе, подобному сугубо научному подходу не противоречит и индивидуально-авторский взгляд на художественную детализацию. Так, по мнению М. И. Веллера, к деталям художественного текста отно-

сятся цвет, запах, вкус, звук, портрет и под. [6, с. 15].

Взгляд на ХД в ракурсе соотношения текста и метатекста вполне закономерен, если учесть, что последний представлен особыми «метатекстовыми нитями», которые, по мнению А. Вежбицкой, «проясняют «семантический узор» основного текста, соединяют различные его элементы, усиливают, скрепляют» [5, с. 405]. Все современные исследователи данных «нитей», или метатекстовых операторов, имеющих языковую природу в художественном тексте, сходятся во мнении, что за счет метатекста автор выражает свою точку зрения на собственный текст, комментирует его перипетии и характеризует свое участие в его создании, употребляя самые разнообразные речевые средства [см. об этом: 4 и др.].

Насколько нам известно, в качестве языкового метатекстового оператора художественная детализация еще не рассматривалась. Между тем ее анализ в качестве средства метатекста, функционирующего в тексте заслуживает внимания. Здесь важно иметь в виду, что потенциал автора художественного текста как языковой личности, формирующей и метатекстовый план, полностью определяется спецификой авторского идиостиля – индивидуальной манеры *организации текстовой ткани (ткань как textile) и ее складок* [ср.: 7; 15 и др.]. Одной из таких складок ткани текста, как мы считаем, и является ХД. В метатекстовом слое текста она играет роль скрытого комментария, имеющего эвфемистический оттенок, который содер-

жит косвенный риторический намек на присутствие какого-то предмета или явления и на скрытое авторское ожидание реакции реципиента [1, с. 251]. Автор имплицированно выражает свое отношение к денотату, денотативному признаку или целой ситуации, эксплицируя лишь какую-то его (или её) деталь как намек на ситуацию, косвенно или ассоциативно связанную с ХД, даже прогнозируемую ею в качестве своеобразного аналога классической синекдохи. Вот, к примеру, как в этих целях обыгрывается портретная зарисовка у И. А. Бунина [2]: *Тотчас вслед за последней минутой она резко и гадливо оттолкнула его и осталась лежать, как была, только <...> уронила руки вдоль тела. Он пластом лежал рядом с ней, прильнув щекой к хвойным иглам, на которые текли его горячие слезы. В застывшей тишине ночи и лесов неподвижным ломтем дыни краснела вдали, невысоко над смутным полем, поздняя луна* (Бунин. Зойка и Валерия). Неподвижная краснеющая луна в застывшей тишине является ХД, намекающей на грядущую драму – самоубийство героя, глубокое внутреннее чувство которого не нашло ответа у возлюбленной, самым фактом физической близости отвергшей его. Детализация помогает автору в формировании художественной ткани текста, акцентируя «внимание на глубинном содержании, участвуя на уровне метатекста в создании образности» [4, с. 107].

Анализ бунинского текста свидетельствует о том, что в нем активно

используется образный потенциал художественной детализации. ХД выступает метатекстовым оператором текстообразующего типа, решающим задачи образной эвфемизации. Если подразделять все метатекстовые операторы на иннективные, сепаративные и периферийные (текстообразующие) [ср.: 14], то ХД следует рассматривать как средство периферийного типа, синтезирующее признаки двух первых: употребляясь в ткани текста как его элемент развития, образования, детали могут быть вербализованы самыми разнотипными по структуре и по функции средствами текста. Скорее всего, следует говорить о целой системе ХД как метатекстовых операторов. Классифицировать элементы данной системы можно по следующему основанию: способ авторской организации художественного текста как пространства, включающего в своей композиции сюжет и внесюжетные элементы (портрет. пейзаж. лирическое и философское отступление и др.). ХД в таком случае относится к средствам сюжетного плана.

Идиостиль, или индивидуальный стиль, автора художественного текста является объектом исследования сравнительно давно. У истоков идиостилевой интерпретации текста стояли такие выдающиеся учёные, как М. М. Бахтин, Л. С. Выготский, Б. М. Эйхенбаум, В. М. Жирмунский, В. В. Виноградов, Г. О. Винокур и многие другие. Всех их объединяет анализ категорий автора текста, который рассматривается в качестве своеобразного художе-

ственного типа. Выход лингвистики в конце XX века на уровень антропоцентризма позволил перевести анализ данной категории в систему новых координат, когда автор художественного текста рассматривается уже в качестве индивидуальной языковой личности [10 и др.].

На собственно языковом уровне представляет интерес анализ метатекстового употребления ХД в тексте с учетом принципов номинационно-синтаксического семиозиса и формирования текстовых единиц синтаксической номинации [3]. Мы рассматриваем метатекстовую репрезентацию ХД в качестве элементов словаря текста, который формируется отрезками определенной синтаксической структуры, решающими в текстовом пространстве задачи синтаксической номинации, которая сопровождается авторской оценкой или характеристикой обозначаемого. Поэтому подход к художественному тексту в ракурсе номинационно-синтаксического семиозиса открывает возможность выявлять и систематизировать ХД как метатекстовые операторы на лингвистических основаниях. Тем самым подводится структурно-семиотическая база под когнитивно-дискурсивный ракурс анализа, когда реальная денотация ХД и, соответственно, формируемое ею начало (образное, символическое и т. п.) получают в нашем сознании закрепление за конкретной синтаксической структурой текста. Речевыми репрезентантами ХД выступают синтаксические единицы – от синтаксической формы слова до текстемы.

Рассмотрим, с учетом сказанного, бунинский контекст: *Везде светло и жарко, а там темно и холодно: там, в железных ящиках, лежат какие-то дедушки и бабушки и еще какой-то дядя, который сам себя застрелил. Все это очень интересно и удивительно: у нас тут солнце, цветы, травы, мухи, шмели, бабочки, мы можем играть, бегать, нам жутко, но и весело сидеть на корточках, а они всегда лежат там в темноте, как ночью, в толстых и холодных железных ящиках; дедушки и бабушки все старые, а дядя еще молодой...*

- *А зачем он себя застрелил?*

- *Он был очень влюблен, а когда очень влюблен, всегда стреляют себя...* (Бунин. Часовня).

Фразовое синтаксическое наименование «какой-то дядя, который сам себя застрелил», вносящее диссонанс в четкую и привычную дихотомию «жизнь-смерть», получает развитие в тексте – попытку объяснения глазами ребенка неестественной, нарушающей привычный ход вещей, но реальной денотативной ситуации, которая несовместима с естественной логикой деталей (также реальных) жизни (*у нас тут солнце, цветы, травы, мухи, шмели, бабочки, мы можем играть, бегать, нам жутко, но и весело сидеть на корточках,*) и смерти (*они всегда лежат там в темноте, как ночью, в толстых и холодных железных ящиках; дедушки и бабушки все старые*). Алогичная деталь (*дядя еще молодой*) в этом естественном антитезном (*у нас тут – они там*) цикле становится художественным образом – метатекстовой

ХД-доминантой, создающей эстетическое напряжение.

И. А. Бунин является одним из выдающихся по своей индивидуально-личностной организации художников русского слова. Художественная деталь в его тексте выступает одним из наиболее выразительных метатекстовых операторов в его тексте. Анализ бунинского текста свидетельствует о том, что в нем активно используется образный потенциал художественной детализации. ХД выступает метатекстовым оператором текстообразующего типа, решающим задачи образной эвфемизации. Если подразделять все метатекстовые операторы на иннективные, сепаративные и периферийные (текстообразующие) [ср.: 14], то ХД следует рассматривать как средство периферийного типа, синтезирующее признаки двух первых: употребляясь в ткани текста как его элемент развития, образования, детали могут быть вербализованы самыми разнотипными по структуре и по функции средствами текста. Скорее всего, следует говорить о целой системе ХД как метатекстовых операторов. Классифицировать элементы данной системы можно по следующему основанию: способ авторской организации художественного текста как пространства, включающего в своей композиции сюжет и внесюжетные элементы (портрет, пейзаж, лирическое и философское отступление и др.). ХД в таком случае относится к средствам сюжетного плана.

Специфика Бунина как языковой личности заключается в том, что он

открывает читателю индивидуально ощущаемый путь познания мира, рождающийся в глубинах творческого сознания. Здесь проявляется одно из базовых начал лингвистического антропоцентризма, которое называют антропогенным, связанным с имманентным постижением тайны человеческого бытия.

Библиографический список

1. Ахманова О. С. Очерки по общей и русской лексикологии. – М. : Учпедгиз, 1957. – 295 с.
2. Бунин И. А. Темные аллеи // Собр. соч. в 4 т. Т. IV. – М. : Огонек, 1988. – С. 5–222.
3. Буров А. А. Субстантивная синтаксическая номинация в русском языке / под ред. К. Э. Штайн. – Пятигорск – Ставрополь : Изд-во СГУ, 2012. – 400 с.
4. Буров А. А., Бурова Г. П. Метатекст в интерьере художественного текста. – Пятигорск : Изд-во ПГЛУ, 2016. – 183 с.
5. Вежбицка А. Метатекст в тексте // Новое в зарубежной лингвистике: Лингвистика текста. Вып. 8. – М. : Прогресс, 1978. – С. 402–421.
6. Веллер М. И. Технология рассказа // Архивариус. – 2005. – № 18. – С. 15.
7. Делёз Ж. Складка. Лейбниц и барокко / пер. с франц. Б. М. Скуратова. – М. : Логос, 1997. – 264 с.
8. Долинин К. А. Интерпретация текста: Французский язык : учебное пособие. Изд. 4-е. – М. : КомКнига, 2010. – 304 с.
9. Жаворонок И. А. Художественная деталь и её функции в творчестве Л. Е. Улицкой: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.01.01. – Тверь, 2012. – 19 с.
10. Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. Изд. 2-ое. – М. : Едиториал УРСС, 2002. – 264 с.
11. Кондратьев Е. Художественная деталь и целое. Структурные и исторические

- вариации. – М. : OZON.RU, 2010. – 320 с.
12. Кормилов С. И. Деталь художественная // Современный словарь-справочник по литературе / сост. и науч. ред. С. И. Кормилов. – М. : АСТ, 2000. – С. 56.
 13. Путнин Ф. В. Деталь художественная // Литературный энциклопедический словарь. – М. : Советская энциклопедия, 1987. – С. 90.
 14. Шаймиев В. А. Метатекст и адекватное восприятие текста // Аспекты речевой конфликтологии / под ред. С. Г. Ильенко. – СПб. : Изд-во РГПУ, 1996. – С. 58–62.
 15. Штайн К. Э. Гармония поэтического текста: Склад. Ткань. Фактура. – Ставрополь : Изд-во СГУ, 2006. – 646 с.
 5. Vezhbicka A. Metatekst v tekste // Novoe v zarubezhnoj lingvistike: Lingvistika teksta. Vyp. 8. – М. : Progress, 1978. – S. 402–421.
 6. Veller M. I. Tehnologija rasskaza // Arhivarius. – 2005. – № 18. – S. 15.
 7. Deljoz Zh. Skladka. Lejbnic i barokko / per. s franc. B. M. Skuratova. – М. : Logos, 1997. – 264 s.
 8. Dolinin K. A. Interpretacija teksta: Francuzskij jazyk : uchebnoe posobie. Izd. 4-e. – М. : KomKniga, 2010. – 304 s.
 9. Zhavoronok I. A. Hudozhestvennaja detal' i ejo funkcii v tvorchestve L. E. Ulickoj: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk: 10.01.01. – Tver', 2012. – 19 s.
 10. Karaulov Ju. N. Russkij jazyk i jazykovaja lichnost'. Izd. 2-oe. – М. : Editorial URSS, 2002. – 264 s.
 11. Kondrat'ev E. Hudozhestvennaja detal' i celoe. Strukturnye i istoricheskie variacii. – М. : OZON.RU, 2010. – 320 s.
 12. Kormilov S. I. Detal' hudozhestvennaja // Sovremennij slovar'-spravochnik po literature / sost. i nauch. red. S. I. Kormilov. – М. : AST, 2000. – S. 56.
 13. Putnin F. V. Detal' hudozhestvennaja // Literaturnyj jenciklopedicheskij slovar'. – М. : Sovetskaja jenciklopedija, 1987. – S. 90.
 14. Shajmiev V. A. Metatekst i adekvatnoe vosprijatie teksta // Aspekty rechevoj konfliktologii / pod red. S. G. Il'enko. – SPb. : Izd-vo RGPU, 1996. – S. 58–62.
 16. Shtajn K. Je. Garmonija poeticheskogo teksta: Sklad. Tkan'. Faktura. – Stavropol' : Izd-vo SGU, 2006. – 646 s.

Bibliograficheskij spisok

1. Ahmanova O. S. Oчерки po obshhej i russoj leksikologii. – М. : Uchpedgiz, 1957. – 295 s.
2. Bunin I. A. Temnye allei // Sobr. soch. v 4 t. T. IV. – М. : Ogonek, 1988. – S. 5–222.
3. Burov A. A. Substantivnaja sintaksicheskaja nominacija v ruskom jazyke / pod red. K. Je. Shtajn. – Pjatigorsk – Stavropol' : Izd-vo SGU, 2012. – 400 s.
4. Burov A. A., Burova G. P. Metatekst v inter'ere hudozhestvennogo teksta. – Pjatigorsk : Izd-vo PGLU, 2016. – 183 s.

© Буров А. А., Бурова Г. П., 2017.

ПРЕЦЕДЕНТНЫЕ ИМЕНА В РАССКАЗАХ И ФЕЛЬЕТОНАХ И. ИЛЬФА И Е. ПЕТРОВА 1929–1937 ГГ.

А. А. Прокубовский

*Кандидат филологических наук
Московский государственный
университет имени М. В. Ломоносова
г. Москва, Россия*

PRECEDENT NAMES IN THE STORIES AND FEUILLETONS OF I. ILF AND E. PETROV 1929–1937

A. A. Prokubovsky

*Candidate of Philological Sciences
Moscow State University Lomonosov
Moscow State University
Moscow, Russia*

Abstract. This article observes different types of precedent names in the stories and satires written by Ilya Ilf and Evgeny Petrov. These stories often contain a lot of interesting language material. The examples are various; they can be used in practical classes for the University course named «Russian Language and Speech Culture».

Keywords: Russian language and speech culture; writer's idiostyle; precedent names; language game.

1. В одной из публикаций А. А. Прокубовского, касающихся преподавания университетского курса «Русский язык и культура речи», было сформулировано несколько возможных принципов отбора материала для семинаров по данному курсу [3, с. 408–412]. Одним из таких принципов был назван *юмор в примерах* [там же, с. 412]. Преподавая курс с 2012 года, автор на своих семинарах неоднократно использовал в примерах и упражнениях языковой материал из произведений М. Е. Салтыкова-Щедрина, С. Я. Маршака, М. М. Зощенко и других отечественных мастеров сатиры и юмора, что нередко помога-

ло студентам лучше усваивать материал. В настоящей работе автор делает попытку отразить один из аспектов творчества И. Ильфа и Е. Петрова – precedentные имена (в рамках курса понятие precedentности относится к теме «Этнопсихоллингвистика» [2, с. 272]) – в отдельной статье.

Илья Ильф и Евгений Петров известны широкому кругу читателей в первую очередь как авторы дилогии о великом комбинаторе Остапе Бендере. Вместе с тем они оставили огромное литературное наследие: повести, водевили, киносценарии и другие произведения, которые сейчас по большей части забыты, одна-

ко во многом не теряют своей актуальности и, кроме того, содержат примечательный с лингвистической точки зрения материал. Автор рассматривает малую прозу И. Ильфа и Е. Петрова: рассказы, очерки, фельетоны 1929–1937 гг. – на предмет различных прецедентных имён. Для анализа были взяты тексты из Собрания сочинений в пяти томах [1]. (В работе сознательно не разграничиваются произведения, созданные писателями вместе и по отдельности, поскольку идиостили И. Ильфа и Е. Петрова, взятых порознь, очень близки как друг к другу, так и к совместному идиостилю авторов.)

Прецедентные имена, использованные И. Ильфом и Е. Петровым в их малой прозе, достаточно легко делятся на обозримые группы, каждой из которых посвящается отдельный параграф.

2. Имена реальных людей.

2.1. В первую очередь обращает на себя внимание обилие фамилий современников И. Ильфа и Е. Петрова: советских политических деятелей (*Ленин, Калинин*), писателей (*Катаев, Олеша, Эренбург*), художников (*Дейнека, Моор*), театральных деятелей (*Немирович-Данченко, Мейерхольд*), кинорежиссёров (*Эйзенштейн, Довженко, Роом*) и даже музыканта-вундеркинда (*Яша Хейфец*). Не обойдены вниманием и почитаемые герои Советского Союза: *Хороши были бы Каманин и Молоков, если б, вместо того чтобы спасти челюскинцев, они сидели в тёплой юрте перед столом ... с походным графинчиком и колокольчиком* (Любовь должна быть обоюдной). Часто упоминается

О. Ю. Шмидт: например, герой фельетона «Костяная нога», плутуя, называет себя *челюскинцем и лучшим другом Отто Юльевича Шмидта*.

2.2. Наиболее часто из этого перечня используются имена советских писателей, и это не случайно: И. Ильфа и Е. Петрова не могли не волновать актуальные вопросы литературы. Так, через фельетон «Литературный трамвай» проходит рефреном фраза *А о Зощенко опять ничего не пишут*. Вместе с тем в анализируемых произведениях встречаются и фамилии литераторов прошлого, как отечественных, так и зарубежных. Они упоминаются в связи: а) с крылатыми словами конкретных авторов (*Летать надо, товарищи, а не ползать. Это давно дал понять Алексей Максимович. – Любовь должна быть обоюдной*) и вообще с цитированием: *Правда ли, что ваш смех – это не наш смех, а их смех? – Не будьте идиотом! Ответ заимствован у Б. Шоу* (Под сенью изящной словесности); б) с известными литературными произведениями («*Робинзон Крузо*», или как пишется в иных переводах, – «*Робинзон Крузоэ*» Даниэля Деффоэ. – Мы Робинзоны), в том числе с использованием приёма несоответствия для создания комического эффекта: *Надо сократить. Пусть будет просто «Три сестры» ... – Было уже такое название ... Кажется, у Тургенева* (Пташечка из Межрабпомфильма); в) с писательским идиостилем – как с положительной, так и с отрицательной оценкой: *Совсем как Герцен стал писать. Просто «Былое и думы»*

(Литературный трамвай); *Исбах далеко не Бальзак, но этот Подпругин такой уже не Бальзак!* (Когда уходят капитаны); г) с избитыми сюжетными приёмами: *Автор должен сознаться, что сперва он хотел посадить старого Дыркина на уэльсовскую «машину времени», ... но потом вспомнил, что об этом уже писал некий современный фельетонист* (Последний из могикан); д) с собственно родами и жанрами литературы: *Усадив жену и свояченицу за подсчёт реплик в пьесах Мольера и Бомарше, Полуэксов принялся разрабатывать сюжет («Зауряд-известность»); е) с известными фактами из жизни писателей и поэтов* (Любовь к шефам остаётся платонической, холодноватой, вроде как между Лаурой и Петраркой. – Для полноты счастья), иногда с применением шутливых анахронизмов: *Ему [Гёте] нужно было внести пай в РЖСКТ «Веймарский квартирник-жилищник», а денег не было. Пришлось ему написать «Фауста»* (Я, в общем, не писатель); ж) с особенностями творчества литераторов как такового: *Они едут в деревню, изучают быт и сдвиги, ... наполняют записные книжки материалами, вообще ведут себя, как Флоберы или Иваны Сергеевичи Тургеневы* (Бродят по городу старухи); з) с актуальными (причём не только в 1930-е годы) проблемами писательской профессии: *Но даже в этом случае нужно ли было расходовать государственные деньги? Разве Лев Николаевич Толстой ходил к маме Наташи Ростовой просить денег*

на описание её дочки? (Писатель должен писать).

Ряд прецедентных имён касается не только литературы, но и искусства в целом (*Имена Верди, Чайковского, Вагнера, Глинки ... для меня священны*. – Нюрнбергские мастера пения), а некоторые используются в метафорическом смысле: *Значит, два Гончарова и один Верещагин* (Начало похода). В фельетоне «Королевская лилия» тип художника-халтурщика, изготавливающего подделки под старинные полотна, язвительно назван *Рубенсом-Айвазовским*. В этой окказиональной фамилии национальное ставится в один ряд с интернациональным, но если обычно подобные контексты у Ильфа и Петрова нейтральны, то этот явно содержит негативную оценку явления.

2.3. Фамилии зарубежных политических деятелей первой трети XX века, как правило, вводятся авторами в комические куплеты (*А ты не видел? У Бриана торчали пушки из кармана*. – Так принято), каламбурные словообразования (*Может, хочешь про Ллойд-Джорджа? Например – целлуллойдджорджик...* – Юморист Физикевич), окказионализмы, обыгрывающие традиционное поведение деятелей: *Забыв про свои получемберленовские манеры, ... теннисист цепляется за поручни трамвая* (Честное сердце болельщика). Это характерно для советской сатирической литературы, обличавшей Запад.

Как полагалось при Советской власти, ссылки на имена русских императоров у авторов окрашены

негативным отношением к монархии: *«Николай II 1895 г. повелел: «Быть железной дороге». 1898 г. исполнено». В февральскую революцию медная эта глупость была сорвана рабочими руками (Перегон Москва – Азия). В фельетоне «У самовара» (К цветам и скрипкам добавляется ещё швейцар с бородой, как у Александра Третьего ... Как бы сказать, вечная, нетленная красота, вроде афинского Акрополя или римского Форума)* царь даже сопоставляется с памятниками архитектуры или музейными экспонатами. Впрочем, некоторые имена известных деятелей культуры тоже снабжены характеристиками, необычными для нынешней эпохи, но привычными для 1934 года, когда реформировалась советская школа: *Гоголь – ... вконец разложившийся и реакционно настроенный мистик* (Разговоры за чайным столом). (В качестве отступления отметим, что подобный «коммунистический» подход, перетекающий в абсурд, касается и имён мифических персонажей: *Парис – под личиной красавца скрывающий свою шкурную сущность ... Аяксы – два брата-ренегата* (В золотом переплёте).)

2.4. В рассказах и фельетонах упоминаются и другие исторические лица в подходящих по смыслу контекстах, например, по аналогии с эпизодом, ставшим легендой (*А может быть, высечь море? Уже высекли. Ксеркс высек. – Чёрное море волнуется*), в связи с географическими открытиями в определённых регионах (*Амундсен говорил, что к холоду привыкнуть нельзя. Ему можно поверить, не требуя*

доказательств. – Собачий холод), по сходству с популярными в массовой культуре изображениями (*На стенах появляются акварельные портретики различных красавиц из созвездия Наталии Гончаровой. – Королевская лилия*) и, наконец, просто в рамках фразеологизмов: *суд Линча* (Рецепт спокойной жизни), *качаловская пауза* (На купоросном фронте). Широко распространённые фамилии известных людей могут иронически обыгрываться: *Все Ивановы люди серенькие, а все Ивановы чем-нибудь да замечательны* (Случай в конторе). Иногда прецедентные имена искажаются по близкозвучию: *Савонарола? Или хотя бы Саванарыло?* (Саванарыло). В рассказе «Колумб причаливает к берегу», построенном на анахронизмах, мы находим забавный сюжет киносценария: *Вы играете роль Америго Веспуччи, в которого безумно влюблена испанская королева ... Но кардинал Ришелье подкупает Васко да Гаму и при помощи леди Гамильтон добивается посылки вас в Америку*. Абсурдность этого текста становится понятной благодаря широкой известности имён деятелей мировой истории.

В одном ряду могут оказаться имена нескольких людей, живших в различные эпохи, но объединённых, например, по роду занятий; так, в произведении «Дело студента Сверановского» упомянуты три выдающихся оратора: *Ни Цицерон, ни Плевако, ни Брауде не могли бы представить суду более веских и разумных доводов в защиту обвиняемого*. А некоторые имена, относящиеся к разным эпохам, авторы

«сталкивают» в одном контексте только по близкозвучию (*Миниатюры времён, так сказать, Дантеса и Аллигери*. – Королевская лилия), порой подчёркивая невежество героев своих рассказов: *Дантон, всходя на эшафот, ... встретил смерть бодро. – Так то Дантес* (Даровитая девушка).

2.5. Периодически И. Ильф и Е. Петров делают имена знаменитостей фамилиями своих персонажей. В фельетоне «Рождение ангела» бригадой сценаристов, в которую входят *братья Поповы (Борис и Глеб)*, командует *Голенищев-Кутузов 2-й*; в рассказе «Добродушный Курятников» упоминается заслуженный деятель искусств *Тицианов* (образование фамилии на -ов от имени живописца). В цикле «1001 день, или Новая Шахерезада» фигурирует *Мусин-Гоголь*: перед нами обыгрывание составной фамилии Мусин-Пушкин, где одна из частей заменена фамилией другого писателя XIX века по ассоциативным связям.

2.6. Особая группа имён – специфические «советские» антропонимы, которые часто давались детям в первые десятилетия Советской власти (*Мальчика называли Доброхим, а девочку – Кувалда. – Мать*) и которые тоже можно назвать прецедентными именами в отношении конкретного государства и конкретной исторической эпохи.

3. Имена вымышленных персонажей.

3.1. Герои литературных произведений (отечественных и зарубежных) упоминаются в ситуациях, ко-

гда авторы акцентируют: а) внешнее сходство или, наоборот, несходство своих персонажей с популярными героями (*По сравнению с усатым Гулливером мальчик казался лилипутом. – Давид и Голиаф; Чёрт побери, она была очень красива ... И он был, чёрт побери, не Квазимодо... – Директивный бантик*), в частности, традиционные позы отдельных персонажей: *Стоишь, как какой-нибудь капитан Гаттерас, не сводя взгляда с приближающихся огней крейсера* (Начало похода); б) черты характера персонажей: *Вы просто сквалыжник ... Вы – Плюшкин! Гарпагон!* (Широкий размах); в) образ жизни персонажей: *Осталась только идиллия старосветской помещичьей жизни, как будто здесь жил не страстный Джордж Вашингтон, а какие-то американские Афанасий Иванович и Пульхерия Ивановна* (Тоня); г) род деятельности персонажей: *У следователей нет даже самых примитивных технических средств для расследования преступлений ... Попробовали бы поставить Шерлока Холмса в такие условия!* (В защиту прокурора); д) ситуации, схожие с описанными в популярной литературе: *Спасаются от кораблекрушения двое: наш Робинзон и председатель месткома* (Как создавался Робинзон); е) собственно эпизоды из литературных произведений, особенно из пьес, которые чаще воспринимаются визуально благодаря театральным постановкам: *Тогда за этим веретеном сидела Гретхен, а где-то неподалёку трепался Фауст* (Человек в бутсах); *В театре за*

один вечер спектакля Гамлет решает важнейшие вопросы (Новый дворец). Возможны и простые ассоциации известных книжных героев с их создателями: *У него есть только одно произведение. Он не Гёте, не Лопе де Вега ... Он не только не Сервантес, он и не Дон-Кихот и к донкихотству не склонен* (Любовь должна быть обоюдной). Персонажи отдельных рассказов И. Ильфа и Е. Петрова также бываю́т названы именами, уже встречавшимися в русской и мировой литературе: дворник *Герасим* (Интриги); фельетонист *Принц Датский* (Прошлое регистратора загса), использующий имя книжного героя в качестве псевдонима, как *Гаргантюа* в романе «Золотой телёнок».

Иногда не сразу бывает понятно, кого авторы имеют в виду: историческое лицо или литературного героя, имевшего реальный прототип: *Сам товарищ Алладинов выходил на улицу, одетый богаче, чем Борис Годунов в бытность его царём (1001 день...)*. Однако благодаря аллюзии к тексту пьесы «Борис Годунов» – искажённому крылатому выражению (*На нём была богатая шапка, тяжёлая, как шапка Мономаха*) – мы можем сделать вывод, что в данном отрывке скорее подразумевается Борис Годунов как персонаж трагедии А.С. Пушкина.

Особняком стоят имена героев рассказа «Прошлое регистратора загса»: *Ипполит Матвеевич Воробьянинов, Клавдия Ивановна Петухова, Елена Станиславовна Боур*. Если учесть, что рассказ первоначально задумывался авторами как глава романа «12 стульев», то этот

факт не должен вызывать недоразумений. Однако такие имена, как *Валерьян Молокович* или *журналист Ошейников*, тоже могут быть обозначены как прецедентные: они встречаются исключительно у И. Ильфа и Е. Петрова, но при этом кочуют из одного фельетона в другой, помогая обличению негативных явлений в литературе и публицистике.

3.2. Имена героев народных сказок употребительны у И. Ильфа и Е. Петрова по ассоциациям и с личностными качествами персонажей рассказов и фельетонов (*Разве это человек? Ведь это баба-яга костяная нога!* – Костяная нога), и с временными периодами: *Этой остротой последовательно пользовались все пошляки, начиная с царя Гороха* (Весельчак). При этом авторы используют аллюзии не только к русскому фольклору: в цикле «1001 день, или Новая Шахерезада» в роли рассказчицы выступает *Шахерезада Шайтанова* (прецедентное имя в сочетании с «тематической» фамилией), а главным героем одной из новелл оказывается *товарищ Алладинов* (фамилия, образованная от широко известного имени персонажа). Имена персонажей античной мифологии чаще всего упоминаются во фразеологизмах (*Сквозь продранный носок видна его ахиллесова пята*. – Когда уходят капитаны), иногда нарочито искажённых: *Мы тут наметили года через два начать строить авгиевы конюшни* (Человек с гусем).

3.3. Отдельно отметим, что Ильф и Петров активно используют имена из Библии, причём по уже знако-

мым нам аналогиям с привычными изображениями библейских персонажей (*Худое благообразное лицо, что-то вроде апостола Луки. – 1001-я деревня*), с отдельными сюжетными эпизодами (*Засыпая, он видел, как на тёмной стене на манер валтасаровских «мене, текел, фарес» зажигаются три фосфорических слова. – Граф Средиземский*), с заявленными в тексте историческими эпохами (*Это времена Авраама, Исаака и Якова. Этому тысяча лет или две тысячи. – Глиняный рай*), а также с конкретными географическими объектами: *В этих районах [в Средней Азии] библейский бог создал Адама ... Поэтому не стоит удивляться тому, что старик лепил его из глины. Здесь нет другого материала (Глиняный рай).*

В рамках пункта, касающегося визуального сходства, заслуживают особого внимания имена *Давид* и *Голиаф*, вводимые авторами в разнообразные контексты. Так, в рассказе «Счастливый отец» это только клишированное сочетание пары имён: *А если двойня, как тогда назвать? ... – Называй как хочешь! Ну, Давид и Голиаф. – Или Брокгауз и Ефрон.* В другом рассказе, «Давид и Голиаф», библейские имена, вынесенные уже в заглавие, становятся условными обозначениями героев: маленького мальчика и мужчины крупного роста, вступающих в конфликт. Ситуация комична: два разновозрастных футбольных болельщика заключают пари (*Давид и Голиаф ударили по рукам*) и в продолжение матча ведут своего рода по-

единок: *Первая половина игры окончилась вничью. Давид и Голиаф смотрели друг на друга с нескрываемым отвращением.* Зато в историческом рассказе «Маленький негодяй», персонажи которого схожи с персонажами предыдущего лишь внешне, разворачивается совершенно иной конфликт между беспризорником и венгерским офицером: *Стенька ждал и не сходил с дороги. Офицер ... покосился, но не свернул. Давид ждал своего Голиафа. Голиаф самоуверенно стремился к гибели.* Как видим, аллюзия к одним и тем же именам у И. Ильфа и Е. Петрова может носить как шуточный, так и напряжённо-драматичный характер.

4. Географические названия.

4.1. Последняя тематическая группа прецедентных имён – топонимы. Причинами, обуславливающими использование И. Ильфом и Е. Петровым этих названий в текстах рассказов и фельетонов, становятся аналогии: а) с климатическими условиями конкретных регионов (*Отчего же так холодно? – А вы думали, что к хвосту антициклона Ялта привязана? – Собачий холод*), порой перетекающие в метафоры: *Дагестан по богатству природных условий может быть назван советской Калифорнией* (Необыкновенные страдания директора завода); б) с географическим положением населённых пунктов: *Лицо у инженера было такое утомлённое, словно он только что приехал из Владивостока, причём десять суток провёл в дороге* (Часы и люди); в) с уровнем экономического развития отдельных стран и горо-

дов: *А он [метрополитен] вдруг окажется не лучшим. Не так это просто сделать лучше, чем в Лондоне, Париже или Берлине («М»);* г) с политическим строем различных государств: *Вы там в Москве привыкли лечиться бесплатно. Но здесь нет советской власти. Это Америка (Тоня);* д) с историческими событиями, касающимися определённых территорий: *В этом лагере ещё больше неудачников, чем в любом лагере золотоискателей на берегах Юкона в Аляске (Великий лагерь драматургов);* е) с национальными и культурными стереотипами: *В первый же день после возвращения из Америки мы встретили довольно известного хозяйственника ... Он и не думал заводить пустяковых разговоров: не стал спрашивать, какой высоты нью-йоркские небоскрёбы (Часы и люди); На окраинах по косым берегам реки спускаются водные станции, ... а в центре города Персия – нищий целует поданную ему монету (Для моего сердца).* Примечательно и каламбурное обыгрывание имени во фразеологизме *открыть Америку* и последующем контексте: *Открыли Америку. Если бы нам разрешили разлагающуюся Европу! (Праведники и мученики).*

4.2. В очерках и фельетонах встречается также немало исторических топонимов, причём частотны библейские аллюзии (*Это местный и по счёту, кажется, уже десятый на земле Арарат. Жителями выдаётся за место остановки Ноева ковчега. – Перегон Москва – Азия*), иногда – в качестве аллегорий (*Весь старый город слеплен из глины ...*

Это Иерихон и Вифлеем. – Глиняный рай), иногда – просто в устойчивых оборотах: *Вы не знаете этой улицы. Содом и Гоморра (Тоня).* В качестве метафор используются и другие мифические имена собственные, ставшие нарицательными: *Создалась ... легенда о литературном Эльдорадо, о чудном месте, куда падают с неба бесплатные дачи, денежные пособия, колоссальные тиражи и опять-таки великая слава (Писатель должен писать).* Наконец, топонимы, относящиеся как к древности, так и к новому времени, сатирически трансформируются уже в заглавиях фельетонов: *Великий канцелярский шлях; Россия-Го* (ср. Маньчжоу-Го – марионеточное государство, образованное в 1932 г.).

5. В заключение можно отметить, что разные типы прецедентных имён совмещаются в рассказе «Записная книжка», где горелитератор издаёт фальшивые записные книжки, якобы содержащие записи русских писателей: *Помещика зовут дядей Ваней. Это ясно ... Думаю съездить на Сахалин. Говорят – интересно ... Только что получил возмутительное известие о том, что академия кассировала выборы Максима Горького. А в очерке «День в Афинах» обнаружен совершенно оригинальный контекст, в котором имена различных явлений античной эпохи стали названиями заведений: Мы ... промчались мимо кафе «Посейдон», кино «Пантеон», меблированных комнат «Парфенон» и слесарной мастерской «Марафон». Комический эффект здесь создают и ассоциативная связь*

между обозначенными феноменами, и каламбурная рифмовка.

6. Собранный автором работы материал может быть полезен на семинарах по курсу «Русский язык и культура речи» в рамках упражнений типа «Какие прецедентные имена использовали авторы в том или ином отрывке?», «Почему эти имена прецедентные? С чем связано их использование: с историческими событиями, литературными произведениями или другими феноменами?», «Какие комические приёмы используются в приведённых примерах: каламбур, анахронизм, другие средства?». Кроме того, автор планирует продолжить исследование прецедентности в творчестве И. Ильфа и Е. Петрова, подключив к именам прецедентные тексты и даты, что может послужить материалом для дальнейших публикаций по теме.

Библиографический список

1. Ильф И. А., Петров Е. П. Собрание сочинений в пяти томах. – М. : ГИХЛ, 1961.
2. Кортава Т. В. Русский язык и культура речи: учебное пособие. – М. : Московское отделение издательства «Учитель», 2015.
3. Прокубовский А. А. Принципы отбора иллюстративного материала для семинаров по курсу «Русский язык и культура речи» // Русский язык и литература: история и современность (вып. II). Сборник научных статей. – М. : МГОУ, 2015.

Bibliografickij spisok

1. Il'f I. A., Petrov E. P. Sobranie sochinenij v pjati tomah. – M. : GIHL, 1961.
2. Kortava T. V. Russkij jazyk i kul'tura rechi: uchebnoe posobie. – M. : Moskovskoe otdelenie izdatel'stva «Uchitel'», 2015.
3. Prokubovskij A. A. Principy otbora illjustrativnogo materiala dlja seminarov po kursu «Russkij jazyk i kul'tura rechi» // Russkij jazyk i literatura: istorija i sovremennost' (vyp. II). Sbornik nauchnyh statej. – M. : MGOU, 2015.

© Прокубовский А. А., 2017.

**ПРОСТОРЕЧНЫЕ ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ
В КОНТЕКСТЕ ЮМОРИСТИЧЕСКОГО ВЫСКАЗЫВАНИЯ
(на материале художественной литературы о медицине)**

Ю. Г. Фатеева

*Кандидат филологических наук
старший преподаватель
Волгоградский государственный
медицинский университет
г. Волгоград, Россия*

**VERNACULAR IDIOMS IN THE CONTEXT
OF A HUMOROUS SAYINGS
(in fiction about medicine)**

G. Fateeva

*Candidate of philological sciences
senior lecturer
Volgograd State Medical University
Volgograd, Russia*

Abstract. The role of spoken idioms in medical prose is analyzed in this article. Often idioms included in the process of language game, structure and composition of idioms can be changed at the same time, key components can still stay the same or be replaced by a word or phrase. The purpose of such a transforming original idioms can be different: adapting the text to the reader, the inability or unwillingness to use slang, the need to use neutral language. All this creates a unique style. However, among the conversational and colloquial idioms there are a few that are on the edge or beyond the norm. Language game using such idioms is of particular linguistic interest.

Keywords: idiom; prose of doctors; language game; ironic literature; doctor; patient; medical humor.

Принято считать, что язык является одним из проявлений культуры, т.к. именно в нем отразились история народа, традиции быта и верований. Наиболее ярко, полагаем, культура народа проявляется в идиоматике. Примечательно, что идиомы и поговорки нередко в языке подвергаются различного рода трансформациям, оживлению, включаясь в языковую игру. Ученые отмечают, что «во фразеологию

“играют” сейчас все – от школьника до пенсионера, она перерастает из обычного речевого “стеба” в мощное оружие критики нашей действительности, подающей немало поводов для сарказма и иронии» [3, с. 100]. Именно этот иронический потенциал некоторых разговорных (и просторечных в том числе) идиом стал объектом данного исследования. Материалом служит современная художественная проза врачей.

Отметим, что наименее изученными на данный момент являются идиомы с просторечными, порой бранными, лексемами, в частности, со словом «задница». Например, интересный пример обыгрывания пословицы «седина в бороду – бес в ребро» и фразеологизма «искать приключения на свою задницу» представляет собой следующий текст М. Малявина: «А есть группа товарищей, которым замаячившая на горизонте старость ... кажутся плевком в душу, а по сути становятся запальным фитилем к спрятанной на чердаке бочке с порохом. <...> Человек вдруг словно оживает: разворачиваются хронически сутулые плечи, делаются судорожные попытки втянуть (или хотя бы перетянуть широким бандажом) вялый животик, в глазах загорается шкодливый огонек... – все, винтажная задница готова к новым приключениям» [2, с. 221].

Примечательно, что многие авторы в пределах одного высказывания используют большое количество разнообразных по стилю и значению идиом, мы в данной статье остановимся лишь на некоторых из них. Итак, фразеологизм М. Малявина («задница готова к приключениям»), созданный с помощью языковой игры представляет собой ФЕ со значением завершенности, готовности к активным действиям; уточнение возраста части тела, готовой к приключениям, выраженного с помощью определения «винтажная», усиливает комический эффект. Отметим, что основываясь на значении прилагательного

«винтажный» ('старомодный', 'только что ... из забытого старого сундука') и существительного «задница», подменяющего наименование стареющего мужчины, можем сделать предположение об ироничности высказывания М. Малявина.

Фразеологизм «искать приключения (на свою задницу)» лежит в основе еще одного фрагмента книги М. Малявина: «...представьте флуд где-нибудь в коментах, озвучьте и поместите внутрь головы. Или, как вариант (правда, реже), в живот, руку или ногу. Или... хотя нет, задница в качестве комментатора – это уже слишком. А уж как носитель императивного голоса, приказывающего ее поднять и отнести на поиски приключений, – так и вообще показание к неотложной госпитализации» [2, с. 321]. Заменив слуховые (ментальные) галлюцинации современным жаргонным словом «флуд», автор рисует перед читателем вполне ясную клиническую картину, однако места локализации этой информации автор указывает по нисходящей прямой относительно анатомического строения тела человека: начиная с головы, место дислокации информационного сообщения может перемещаться в руку, ногу и, логично предположить, другие части тела. М. Малявин именно на этом этапе описания симптомов обращается к указанному фразеологизму, незначительно меняя его структуру.

В книге М. Малявина встречаем еще один вариант оживления фразеологизма «искать приключения на свою задницу»: «...все проблемы

упираются в поведение и при отсутствии жесткого контроля превращаются в настойчивый поиск наслаждений для мятущейся души и, соответственно, приключений для многострадальной задницы» [2, с. 240]. Примечательно, что в представленном фрагменте автор использует несколько фразеологизмов с разным эмоциональным наполнением. Так, ФЕ официально-делового стиля «жесткий контроль» писатель употребляет в прямом значении, однако следующий же фразеологизм имеет ироническое значение: «мятущаяся душа», ищущая наслаждений, воспринимается читателем, как некий парадокс, ведь душа не может искать удовольствия, лишь покоя и истины.

Контаминация двух фразеологизмов со словоформой «задница», осложненная заменой основной лексемы, представлена в творчестве М. Малявина: «...учитывая горящий взор, необычайную легкость в общении и бьющую через край энергию (в том числе и через НУЖНЫЙ КРАЙ) – ищущий приключений на свой шилом уколотый базис обычно их находит» (выделено автором. – Ю.Ф.) [2, с. 106]. Итак, в основе оживления исходного фразеологизма лежит контаминация фразеологических единиц «искать приключений на задницу» и «шило в заднице». Отметим, что оба фразеологизма подразумевают излишнюю активность человека, объединение же двух синонимичных идиом приводит к усилению основного значения; при этом вторая идиома подвергается значительной трансформации: шило не находится в указан-

ном органе постоянно, оно производит лишь разовое воздействие, однако эффект от этого не становится меньше. Само вульгарное слово «задница» в предложенном контексте заменяется на лексему «базис» (полагаем, от «база» – это «1. Архит. Нижняя, более широкая часть колонны или столба; основание, подножие. 2. Основа, основание чего-л., то главное, на чем зиждется что-л.» [4, т. 1., с. 55]). Расположение указанной части тела («нижняя, более широкая часть...») и ее участие в возможности сидеть («то главное, на чем зиждется что-л.») дает писателю возможность на такой перенос, что способствует усилению комического эффекта.

Примером обыгрывания значения фразеологизма «шило в заднице» является следующее описание М. Малявина: «В ряде случаев ощущения, напротив, довольно локальные и четкие, но при этом настолько вычурные, что на их фоне комок в горле, камень на сердце и шило в заднице бледно выглядят и мелко плавают. Для полноты картины не хватает только сбоку бантика» [2, с. 122].

Отметим, что исходный фразеологизм, данный в первоначальном виде и не подвергшийся каким-либо изменениям, включает собой список симптомов, при описании которых используются различные с точки зрения стиля устойчивые единицы: «комком в горле», «камень на сердце». Последний фразеологизм «шило в заднице» означает физическую активность человека, так сказать, «жажду деятельности», беспокойство; все вместе данные ФЕ го-

ворят именно о психологическом состоянии пациента, выразить которое он не в состоянии.

Фразеологизм «шило в заднице» нередко дает возможность М. Малявину, оттолкнувшись от него, создать комическое высказывание с использованием других ФЕ: «...шило в заднице на этот раз присутствует не с целью экзекуции, а как стимулирующий фактор: такой избыток душевных и физических сил просто необходимо куда-то приложить, иначе он порвет обладателя в клочья, как капля никотина взрывает хомячка» [2, с. 159]. Автор удачно передает значение исходного фразеологизма как «стимулирующего фактора», того, что побуждает к активной деятельности. При этом усиление комического эффекта происходит за счет описания последствий неудовлетворенности этой «жажды деятельности»: для начала избыток энергии «порвет в клочья».

Интересный прием обыгрывания значения указанной ФЕ также находим у М. Малявина: «...все попытки применить психотерапию к больному в психозе не более результативны, чем попытки забить носорога насмерть томиком Фрейда или вызвать демонстрацией филейной части инфаркт у дикобраза» [2, с. 317]. К подразумеванию ФЕ с вульгаризмом отнесем «вызвать демонстрацией филейной части инфаркт у дикобраза», являющейся, на наш взгляд, парافразой фразеологизма «напугать ежа голой задницей». Примечательно, что автор использует более сложную по своему зна-

чению лексику на месте каждого слова традиционного фразеологизма: так, еж превращается в дикобраза (существо более экзотическое для русского читателя), а вместо глагола «напугать» употребляется профессиональное словосочетание «вызвать инфаркт», которое по своему значению передает более сильный результат воздействия на объект.

Обращается к фразеологизму с вульгаризмом «задница» и А. Буров, размышляя о количестве странных ситуаций, в которые попадает его герой и которые нередко имеют неприятные последствия: «Интересно, моя личная способность находить приключения на свою задницу, или всеобщая закономерность?» [5, с. 141]. Примечательно, что указанный фразеологизм здесь не является материалом для создания языковой игры и не подвергается каким-либо воздействиям и переосмыслению, он лишь образно передает основное содержание результата наблюдений над собственной жизнью героя книги.

Однако А. Буров также включает указанный фразеологизм в языковую игру, рассказывая об одном известном во всей больнице и привлекающей территории пациенте: «Весь поселок знал о Воле и его зубах, поэтому на расстояние укуса его никто не подпускал. Встречали ударом в табло, часто используя подручные предметы. В результате Воля раз 20 лежал у нас с ушибами мозгов и переломами черепа. Иногда пинком под задницу ему в дополнение к голове ломали тазовые кости и позвоночник. Всю жизнь его били, а он все пил и продолжал

искать приключения. В короткие промежутки трезвости лечился от диплопии в глазной клинике на Моховой. Прицел у башни был сбит, в глазах двоилось» [5, с. 107–108].

При описании особенностей характера пациента Вовы автор использует 6 ФЕ, разных по происхождению и стилистике, и не все они включаются в языковую игру. Разговорный фразеологизм «пинком под зад(ницу)» или «дать пинка под зад» в русском языке означает ‘выгнать’, однако А. Буров использует данное словосочетание в прямом значении, доказательством чему служат результаты такого физического воздействия на некоторые части тела пациента: переломы тазовых костей и позвоночника.

В другом фрагменте А. Буров использует укороченный вариант идиомы «искать приключения (на (свою) задницу)», используя ее собирательное значение: приключения, как различные виды неприятности разной степени опасности для субъекта.

Отметим, что не всегда и не у всех писателей-врачей данный фразеологизм используется полностью из-за его нарочитой грубости, например, Г. Артемьева его приводит в усеченном виде и не включает в ситуацию языковой игры, используя его лишь для емкого описания всех возможных негативных последствий человеческих поступков: «А вообще-то, по-хорошему рассуждая, беременным на последних месяцах в общественном транспорте приключений искать не стоит» [1, с. 59–60].

В заключение обратим внимание, что использование разговорных и просторечных идиом, в состав которых нередко входят вульгаризмы или бранные слова, в художественных произведениях пишущих врачей – явление неединичное. Однако говорить об общем низком уровне культуры специалистов-медиков также не представляется возможным. Полагаем, обращение к «пограничной» лексике преследует несколько целей: популяризация медицинских знаний (М. Малявин), образность описания событий и персонажей (М. Малявин, А. Буров), прием психологической разрядки как способ предотвратить синдром эмоционального выгорания.

Библиографический список

1. Артемьева Г. Как бы беременная, как бы женщина. – М. : АСТ, Астрель, 2013. – 171 с.
2. Малявин М. Психиатрию – народу! Доктору – коньяк. – М. : Астрель, 2012. – 416 с.
3. Мокиенко В. Фразеология и языковая игра: динамика формы и смысла // Учені записки Таврійського національного університету ім. В. І. Вернадського. Серія: Філологія. Соціальні комунікації. 2012. Т. 25 (64), № 2 (1). – С. 100–109.
4. Словарь русского языка. В 4 т. – М. : Русский язык, 1999.
5. Фунус Фестус (Буров А.) Тук-тук, это хирург! Записки из реальной курилки. – М. : Аст, 2013. – 320 с.

Bibliografickij spisok

1. Artem'eva G. Kak by beremennaja, kak by zhenshhina. – M. : AST, Astrel', 2013. – 171 s.

2. Maljavin M. Psihijatriju – narodu! Doktoru – kon'jak. – M. : Astrel', 2012. – 416 s.
3. Mokienko V. Frazeologija i jazykovaja igra: dinamika formy i smysla // Ucheni zapiski Tavrijs'kogo nacional'nogo universitetu im. V. I. Vernads'kogo. Serija: Filologija. Social'ni komunikacii. 2012. T. 25 (64), № 2 (1). – S. 100–109.
4. Slovar' russkogo jazyka. V 4 t. – M. : Russkij jazyk, 1999.
5. Funus Festus (Burov A.) Tuk-tuk, jeto hirurg! Zapiski iz real'noj kurilki. – M. : Ast, 2013. – 320 s.

© *Фамеева Ю. Г.*, 2017.

УДК 811.161.1'243
DOI: 10.24045/fv.2017.1.9

**ОБУЧЕНИЕ ВОСПРИЯТИЮ ТЕКСТА ПОПУЛЯРНОЙ
РУССКОЙ ПЕСНИ ИНОСТРАННЫХ СТУДЕНТОВ
ПОДГОТОВИТЕЛЬНОГО ФАКУЛЬТЕТА
(на материале песни «Листья жёлтые»)**

Н. А. Вострякова

*Кандидат филологических наук, доцент
Волгоградский государственный
технический университет
Волгоград, Россия*

**TRAINING PERCEPTION OF THE TEXT OF THE POPULAR
RUSSIAN SONG FOR FOREIGN STUDENTS
PREPARATORY FACULTY
(based on material of the song "Yellow Leaves")**

N. A. Vostriakova

*Candidate of Philological Sciences
assistant professor
Volgograd State Technical University
Volgograd, Russia*

Abstract. The article emphasizes the need to create additional teaching materials for teaching foreign students preparatory faculty perception of texts of popular Russian songs. The author proposes the development of lesson for foreign students at first certification level of training who speak English. The lesson is devoted to the study of the popular song "Yellow Leaves" by composer Raymond Pauls and poets Janis Peters and Igor Shaferan. In the center of it is the text of the song, which is accompanied by a system of tasks. The fulfillment of these tasks will allow foreigners to adequately perceive the lyrics of the song "Yellow Leaves" and develop their secondary communicative skills in all forms of speech based on its material.

Keywords: modern Russian popular song; authentic text (authentic song); lyrics; precedent text; adequacy of perception of text; Russian as a Foreign Language; foreign students; native speakers of English language; first certification level.

Лирические тексты популярных русских песен, осложнённые музыкальным сопровождением, с трудом воспринимаются иностранными студентами подготовительного факультета. Их изучение не преду-

смотрено программой РКИ для данного этапа обучения, но они вызывают непроизвольный интерес у инофонов, облегчают им запоминание незнакомых языковых явлений, совершенствуют их артикуляционные навыки и потому многими преподавателями активно используются на занятиях как средство формирования вторичной коммуникативной компетенции иностранных учащихся.

Однако для того чтобы популярные русские песенные тексты были поняты иностранцами и выполнили свою обучающую функцию, их восприятию необходимо обучать специально, с опорой на особые методические материалы, учитывающие их словесно-музыкальную жанровую природу и специфику лингвокультурной компетенции конкретных учащихся. Такие материалы на сегодняшний день редко предлагаются в учебниках РКИ, поэтому возникает необходимость в их создании и апробации.

Ниже предлагаем разработку занятия по русскому языку для *исконных и вторичных носителей английского языка*, изучающих русский язык на *1 сертификационном уровне*. В центре занятия – русская песня «*Листья жёлтые*», написанная композитором *Р. В. Паулсом* и поэтами *Я. Петерсом* и *И. Д. Шафераном* в 1975 году.

Лингводидактическая ценность данной песни в настоящее время определяется тем, что она до сих пор популярна на русской эстраде, известна большинству носителей русского языка, часто цитируется в

общении в музыкальной и вербальной формах и является *прецедентной* для русской культуры.

Кроме того, в отличие от многих современных песен, она обладает приятной, гармоничной мелодией и не содержит «отрицательный языковой материал». Композиция песни основывается на приёме синтаксического параллелизма, а текст включает в себя много повторов. Благодаря этим особенностям она легко учится и запоминается.

В то же время поэтический текст песни «Листья жёлтые» аутентичен, рассчитан на исконных носителей русского языка, дополнен музыкальным сопровождением, произносится в быстром темпе и характеризуется высокой речевой избыточностью. Он также включает в себя значительное количество незнакомых слов (9,6 %, а не 3–7 %, как предусмотрено программой 1 сертификационного уровня), две лексемы в переносном значении (*золотой лист, осыпает красотой*) и две трудные для данного этапа обучения грамматические формы (краткое прилагательное *дождливы* и краткое страдательное причастие *созданы*), которые могут осложнить рецепцию для иностранцев.

В содержательном плане песни тоже не проста. Она обращается к теме осени, смены времён года, рисует картину дождливого русского пейзажа и связывает его с психологическим состоянием лирического героя.

Всё может быть утрачено в этой жизни (говорит песня), но нужно уметь находить прекрасное в каж-

дом мгновении и учиться быть счастливым и в дождливые, и в солнечные дни. При этом традиционный образный параллелизм между миром природы и миром людей и его философский подтекст, понятный для носителей русского языка, может быть не понят инофонами.

Дело в том, что хотя тексты о временах года традиционны для учебников РКИ, коннотации [2] и ассоциации, связанные с ними, не являются предметом обучения на 1 сертификационном уровне. Кроме того, временные границы осени и лета, отношение к сезонам, а также отношение к солнцу и дождю в разных национальных культурах может не совпадать и определяться специфическими климатическими особенностями их проявления в конкретной местности [см.: 1, с. 75–76].

Следовательно, для того, чтобы облегчить иностранцам восприятие песни «Листья жёлтые», её словесно-музыкальный текст необходимо прокомментировать с точки зрения ценностных критериев русского этноса и дополнить его системой пред-, при- и послетекстовых заданий, построенной с учётом перечисленных выше рецептивных трудностей.

Такие задания мы предлагаем ниже в разработанном нами занятии. Цель его – обеспечить адекватное восприятие песни «Листья жёлтые» инофонами, понимание ими её идейного содержания, а также развить их коммуникативные умения во всех видах речевой деятельности на основе её текста.

Занятие рассчитано на два академических часа и включает в себя 14 заданий для аудиторной и внеа-

удиторной (домашней) работы студентов. Песня «Листья жёлтые» предьявляется в нём тремя способами: в задании 3 и 11 – аудиовизуально (с помощью видеоклипов, иллюстрирующих её содержание), в заданиях 8, 9, 1 (из домашнего задания) – аудитивно (с помощью аудиозаписи), в задании 10 – вербально-визуально (учащимся предлагается прочитать её текст). При этом в заданиях 3, 8 и 9 рекомендуется использовать видеоклип и аудиозапись одних исполнителей (например, Маргариты Вилцане и Ояrsa Гринбергса), а в задании 11 – других. Такое разностороннее представление текста песни, с опорой на разные анализаторы, даёт возможность студентам тренировать навыки аудирования на русском языке, сравнивать результаты своей рецепции песни из разных источников, глубоко и эмоционально осмыслить её содержание и познакомиться с её интерпретациями.

В целях обеспечения доступности занятия его материал согласован с «Лексическим минимумом» и «Программой по РКИ» 1 сертификационного уровня. Трудные грамматические термины в нём и незнакомые языковые единицы, выходящие за пределы «Лексического минимума» 1 сертификационного уровня, переведены на английский язык. (Консультантом по переводу выступил студент Волгоградского государственного технического университета Мубаива Прэйз Тинопенда).

Приведём список условных сокращений, которые используются в занятии и на которые необходимо обратить внимание учащихся: *ср.* –

сравните compare; *м. р.* – мужской род masculine gender; *ед.ч.* – единственное число singular; *мн. ч.* – множественное число plural; *Р. п.* – родительный падеж genitive case; *Д.п.* – дательный падеж dative case; *Т. п.* – творительный падеж instrumental case; I – первое спряжение глагола first conjugation of a verb (the -e- conjugation of a verb); II – второе спряжение глагола second conjugation of a verb (the -i- conjugation of a verb); *НСВ* – несовершенный вид глагола imperfective aspect of a verb; *СВ* – совершенный вид глагола perfective aspect of a verb.

В заключение отметим, что особенно полезным предлагаемое ниже занятие будет для будущих студентов музыкальных факультетов.

ПЕСНЯ «ЛИСТЬЯ ЖЁЛТЫЕ» Р. ПАУЛСА, Я. ПЕТЕРСА, И. ШАФЕРАНА

Задание 1. Ответьте на вопросы.

1. Какие времена года Вы знаете?
2. Какое Ваше любимое время года? Почему?
3. Когда в России лето? Какая погода в России летом?
4. Когда в России осень? Какая погода в России осенью? Какие листья осенью?
5. Какие русские песни о временах года Вы знаете?

Задание 2. Прочитайте текст.

Песня «Листья жёлтые» родилась в 1968 [тысяча девятьсот шестьдесят восьмом] году в Латвии. Стихи на латышском языке написал для неё известный поэт Янис

Пётерс, а музыку – знаменитый композитор Раймонд Паулс.

Красивая и романтическая песня быстро стала популярной в Латвии, поэтому талантливый поэт Игорь Шаферан решил перевести её текст на русский язык и дать ей вторую жизнь. Так в 1975 [тысяча девятьсот семьдесят пятом] году с песней «Листья жёлтые» познакомились русские люди. Много лет они с удовольствием пели её, и она стала классикой современной популярной музыки.

● **Ответьте на вопросы:**

1. Когда и где родилась песня «Листья жёлтые»? На каком языке её пели?

2. Кто написал музыку для этой песни? Кто и когда перевёл её на русский язык?

Задание 3. Посмотрите видеоклип с песней «Листья жёлтые» и ответьте на вопросы (См.: Marcarita Vilcan и Ouyars Grinbergs – Листья жёлтые над городом кружатся // <http://pesni.me/artist/videos/Листья+жёлтые>.).

1. Почему песня называется «Листья жёлтые»?

2. Это весёлая песня или грустная? Почему Вы так думаете?

3. Какое время года не любят герои песни? Почему? Какое время года они любят?

 Задание 4. Догадайтесь о значении выделенных слов. Запишите их.

теря́ть (что́ делать?) → *по-*
 теря́ть (что́ сделать?) → *потёр-я*
 (что?) = то́, что потерял

окно́ (что?) → *око́ш-к-о* (что?,
 н//ш) = ма́ленькое окно́

краси́вый (какой?) → *крас-от-а́*
 (что?)

Ср.: *красота́* (чего?) о́сени (Р.
 н.)

дождь (что?, м.р.) → дожд-ли́в-
 ый (какой ?) → *дождли́в* (-а, -о, -ы;

краткое прилагáтельное short
 adjective).

Ср.: день (какой?) *дождли́вый*,
 день (каков?) *дождли́в*, погóда
 (какова?) *дождли́ва*, дни (каковы?)
дождливы.

Задание 5. Слушайте, читайте,
 повторяйте следующие слова и
 словосочетания. Постарайтесь их
 понять.

шóрох (что?) rustle ⇒

кружи́ться II (НСВ) над чем (Т.
 н.) to whirl

прилипа́ть I (НСВ) / прили́пнуть I
 (СВ) к чему́ (Д. н.) stick (to), adhere
 (to)

снíться II (НСВ) кому-чему́ (Д.
 н.) to dream

прятáться I (НСВ) / спря́таться I
 (СВ) от чего́ (Р. н.) to hide

скрыва́ться I (НСВ) / скры́ться I
 (СВ) от чего́ (Р. н.) to hide from, to
 escape from

ли́стья ложáтся пóд но́ги с (чем?)
 шóрохом (Т. н.) the leaves fall to the
 ground with a rustle

ли́стья кру́жатся над гóродом (Т.
 н.) leaves whirl over the city

ли́ст к око́шку (Д. н.) прилипа́ет
 the leaf sticks to the (small) window

снíться ли́стьям (Д. н.) dreams of
 leaves

спря́таться от о́сени (Р. н.) hide
 from autumn

скры́ться от о́сени (Р. н.) hide
 (escape) from autumn

Задание 6. Составьте словосочетания из слов. Запишите их.

ли́стья
 спря́таться
 шóрох
 ложáтся
 дни

дождли́вы
 пóд но́ги
 ти́хий
 жёлтые
 от о́сени

прилипа́ет
 снíться
 прожíть
 скры́ться
 кру́жатся

от о́сени
 над гóродом
 без потёрь
 к око́шку
 вам

Задание 7. Прочитайте предложения, постарайтесь понять значение выделенных слов.

1. На столе́ стояла **золотáя** ва́за (= ва́за из зо́лота).

Лист к око́шку прилипаёт **золото́й, золотой** (= лист цве́та зо́лота).

2. Ну́жно **осы́пать** (shower) подар́ками (Т. п., мн.ч.) доро́гих гостей.

О́сень зе́млю **осыпа́ет** (чем?) красо́той (Т. п., ед.ч.).

3. И пуска́й (= пусть let) дождли́вы ча́сто э́ти дни. Мо́жет, **созда́ны** для сча́стья и о́ни.

Ср.: созда́ть I (СВ) → (он) со́здал → **созда́-НН-ый** (-ая, -ое, -ые) – страда́тельное прича́стие проше́дшего вре́мени passive participle of past tense → создан (-а, -о, -ы) – крáткое страда́тельное прича́стие (short passive participle).

Задание 8. Послушайте аудиозапись песни «Листья жёлтые» и выберите высказывания, которые соответствуют её смыслу (См.: Маргарита Вилцане и Оярс Гринбергс – Листья жёлтые над городом кружатся //http://my-hit.me/листья-жёлтые-над-городом-кружатся? pg=1.)

1. В ми́ре тру́дно прожы́ть...

- А) без тебя́
- Б) без любви́
- В) без поте́рь

2. Ле́то...

- А) зако́нчилось
- Б) наступи́ло
- В) продолжа́ется

3. Нельзя́ убежа́ть...

- А) от весны́
- Б) от о́сени
- В) от зимы́

4. О́сень прино́сит в мир...

- А) жёлтые листьа́
- Б) дождь и хо́лод
- В) свою́ красоту́

5. Осéнные дождли́вые дни...

- А) скóро зако́нчатся
- Б) мо́гут быть сча́стливыми
- В) прино́сят несча́стье

Задание 9. Слушайте аудиозапись песни и вписывайте в её текст пропущенные слова.

Не прожы́ть нам в ми́ре э́том,
... ..,

Без по^те^рь,
Не уйдёт, ка^за^лось, ле^то,
... .., ка^за^лось, ле^то,
А те^пе^рь, а те^пе^рь...

Припев:

Ли^стья ... над го^ро^дом кру^жа^тся,
... .. нам по^д но^ги ло^жа^тся,
И от о^се^ни не сп^ря^та^тся, не
ск^ры^тся,
... .., ска^жи^те, что^б вам с^ни^тся.
Ли^ст к око^шку при^ли^па^ет,
... ..
Зо^лото^й,
О^се^нь зе^млю осы^па^ет,
... зе^млю осы^па^ет
Кра^сото^й,

Припев.

И пу^ска^й до^жд^ли^вы ча^сто,
И пу^ска^й ... ча^сто
Э^ти д^ни,
Мо^жет, со^зда^ны для сча^стья,
Мо^жет,
И о^ни,

Припев.

● *Прослушайте песню ещё раз и
проверьте себя.*

Задание 10. Прочитайте слова
песни вслед за преподавателем.
Обратите внимание на
произношение.

Задание 11. Посмотрите другой
видеоклип с песней «Листья
жёлтые» (См.: Листья
жёлтые...wmv //
<http://pesni.me/artist/videos/Листья+жёлтые>). Чем он отличается от
видеоклипа из задания 3? Как
выражается в нём идея песни?
Какой видеоклип вам нравится
больше?

ДОМАШНЕЕ ЗАДАНИЕ

Задание 1. Слушайте и пойте
песню «Листья жёлтые». *Постарайтесь её выучить. Если
вам очень трудно, выучите только
первый куплет.*

Задание 2. Составьте
предложение из слов.

1. Кру^жи^тся, жёл^тые, го^ро^д,
ли^стья, над.
2. Про^жи^ть, в, э^тот, мы, по^те^ри,
не, мир, без.
3. И, до^жд^ли^вы, пу^ска^й, д^ни,
ча^сто, э^ти.

Задание 3. Напишите рассказ на
одну из тем.

1. Моё люб^имое вре^мя го^да.
2. Мо^жно ли о^се^нью бы^ть
сча^ст^ли^вым?
3. Сек^рет по^пу^ля^рности пе^сни
«Ли^стья жёл^тые».

КЛЮЧИ

Задание 4.

По^те^ря loss. Око^шко
(=ма^ленькое око^но) (small /tiny)
window. Кра^сота beauty. До^жд^ли^в
rainy.

Библиографический список

1. Вострякова Н. А. Отношение русского
этноса к природе и его осмысление
вторичной языковой личностью при
восприятии художественного текста // *Русский язык за рубежом*. – 2010. –
№ 2. – С. 74–80.
2. Вострякова Н. А. Понятие коннотации
в современной лингвистике // *Разноуровневые
характеристики
лексических единиц*. Ч. 1. Лексика и
фразеология. Терминология: сб. науч.
ст. – Смоленск : Изд-во Смоленск. гос.
пед. ун-та, 2001. – С. 35–42.

Bibliograficheskiy spisok

1. Vostrjakova N. A. Otnoshenie russkogo jetnosa k prirode i ego osmyslenie vtorichnoj jazykovej lichnost'ju pri vosprijatii hudozhestvennogo teksta // Russkij jazyk za rubezhom. – 2010. – № 2. – S. 74–80.
2. Vostrjakova N. A. Ponjatie konnotacii v sovremennoj lingvistike // Raznourovnevyje harakteristiki leksicheskikh edinic. Ch. 1. Leksika i frazeologija. Terminologija: sb. nauch. st. – Smolensk : Izd-vo Smolensk. gos. ped. un-ta, 2001. – С. 35–42.

© *Вострякова Н. А.*, 2017.

ИНФОРМАЦИОННЫЙ АНАЛИЗ ВЕБ-ТЕКСТА В ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ПОДГОТОВКЕ ШКОЛЬНИКОВ

И. Ю. Гац

*Доктор педагогических наук, доцент
Московский государственный
областной университет
г. Москва, Россия*

AN ANALYSIS OF WEB TEXT IN THE LINGUISTIC PREPARATION OF STUDENTS

I. U. Gats

*Doctor of Philosophical Sciences
assistant professor
Moscow State Regional University (MSRU)
Moscow, Russia*

Abstract. On the Russian language lessons in senior grades it is useful to use the analysis of web texts adapted to the objectives of the study of grammatical and speech information. Web text on the Russian language classes with ICT tools is seen as a didactic unit of all levels and stages of learning. As the course of the Russian language performs the function of the interdisciplinary, application of the method of information analysis of electronic text is relevant to deepen the linguistic knowledge of students, in-depth understanding of the functioning of language. The article presents a methodological perspective on the development of information skills of students, based on experience of using computer support of language training in grades 9–11.

Keywords: methods of teaching the Russian language; information and communication the ability of students; analysis of electronic text.

Методика обучения русскому языку рассматривает конкретные практические действия, которые совершают учащиеся для организации самостоятельной лингвистической деятельности по удовлетворению своих информационных потребностей, как информационно-коммуникативные умения [1; 2; 3; 4]. Решая традиционные учебно-языковые задачи, ученики 9–11 классов самостоятельно выстраивают маршрут поиска, сбора, добыва-

ния и переработки лингвистической и иной сопутствующей учебной информации [2; 3; 4]. Внутренним стимулом становится любопытство и любознательность. В сфере опосредованного взаимодействия в компьютерной среде обеспечивается поддержка совместной деятельности школьников, их участие в сетевых проектах. Здесь для учителя содержится богатый лингводидактический материал. Познавательный теоретический интерес школьников

к лингвистическому исследованию развивается в условиях специально организованной учебной коммуникации [3; 4]. Автором статьи в предыдущих работах было доказано, что в школьном лингвистическом образовании электронный текст выполняет функцию динамической единицы коммуникации. Поэтому на основе электронного текста продуктивно, формировать умения школьников по созданию текстов разного функционального назначения с использованием текстового редактора, автоматизированных словарей различных типов, научно-популярных ресурсов по лингвистике. Поскольку курс русского языка выполняет надпредметную функцию, применение метода информационного анализа электронного текста представляется актуальным для углубления лингвистических знаний школьников, углублённых представлений о функционировании языка.

В качестве методологической базы, связывающей методику развития информационно-коммуникативных умений школьников по русскому языку, выступает теория речевой деятельности и коммуникативно-деятельностный подход в лингвистической подготовке, теория информационной культуры и информационной грамотности [1]. Предполагаем, что информационные технологии становятся инструментом формирования лингвистических экспериментальных умений учеников, так как расширяют рамки традиционного метода, дополняя учебный процесс такими важными ком-

понентами, как планирование и моделирование лингвистического эксперимента. Практика преподавания подтвердила эффективность лабораторно-практических работ по русскому языку. По сути, их можно сравнивать с мини-исследованиями, которые обучают элементарному информационному анализу текста. Школьники анализируют специально подобранные учителем электронные тексты, отражающие явления современной языковой ситуации. Информационный анализ фрагмента гипертекста совершается школьниками в ходе практической деятельности, на лабораторном практикуме.

Полагаем, что наиболее эффективным средством развития навыков информационной переработки выступает нехудожественный текст. Исследуя фрагменты, старшеклассники убеждаются в важности овладения информационными приёмами развёртывания, компрессии, трансформации содержания. Информационная переработка текста основана на методической совокупности ряда компонентов: во-первых, определяется актуальность текстового содержания, во-вторых, устанавливается композиция текста, в-третьих, уточняется исходная информация, и, наконец, информация интерпретируется. Текст по-прежнему находится в центре комплексного анализа. Учитывая информационные действия, совершаемые учеником, определим виды чтения электронного текста. Проводится информационный и языковой анализ компьютерного текста с тем, чтобы

научить отбору качественной информации, способности распознавать неопределённость, намеренную дезинформацию, энтропию. Задача проведения лабораторной работы с ИКТ-поддержкой – сформировать умение пользоваться компьютерными лингвистическими источниками, научиться интерпретировать содержание подобной информации. Школьники практически овладевают квалифицированным анализом грамматических и культурно-речевых явлений. Информационный анализ предполагает исследование композиционной и содержательной стороны веб-текста, определение его типологических черт и адресации. Опыт показывает, что подобные действия продуктивно сопровождать ритмичными комментариями и инструкциями учителя. В их наименовании отражается целевое назначение и функция: ориентировочное (с целью установления актуальности информации); отсроченное (отложенное, предполагающее вторичное обращение); просмотрное (беглое знакомство с информацией); прерывистое (нелинейное чтение) и аналитическое чтение (с установкой на детальное, изучающее чтение). Во время лабораторно-практического занятия с компьютерной поддержкой целесообразно организовать поисковую лингвистическую деятельность школьников на основе: а) работы с электронными версиями с лингво-энциклопедическими словарями; б) композиционно-содержательного анализа компьютерного текста; в) перевода информации в иную форму; г) редактирования текста (из-

менение структуры текста, включение дополнительных элементов, устранение функционально-стилистических ошибок); д) составления аннотаций, рецензий на информационные сообщения. Информационному анализу предшествует графическое восприятие веб-текста: визуально оценивается удобство восприятия текста, оценивается его назначение, технические параметры. На учебных занятиях предпочтение отдаётся веб-страницам, сайтам, которые снабжены лингвистическими тренажёрами, медиаматериалами, обладающими дидактическими возможностями, например: фундаментальная электронная библиотека «Русская литература и фольклор», коллекция словарей, энциклопедий Кирилла и Мефодия, «Культура письменной речи», «Грамота. Ру», «Словесник» (Лаборатория лингводидактики и инновационных технологий обучения русскому языку РГУ им. С. А. Есенина), сайт Института русского языка им. В. В. Виноградова, сайт Национального корпуса русского языка, словари. Информационный анализ электронных текстов подобных ресурсов – основание, обеспечивающее связь лингвистической подготовки и воспитания информационной культуры члена информационного общества. Учебные ситуации с ИКТ-поддержкой на уроках русского языка классифицируются. Эти учебные ситуации охватывают способы взаимодействия школьников с информационными средствами: учитывается потребность детей в удовлетворении любопытства и любознательности, организации обще-

ния со сверстниками, потребность в организации учебного труда и участия в сетевых проектах. Ведущей представляется модель общения. Полагаем, что метод информационного анализа электронного текста продуктивен для углубления знаний школьников о функционировании родного языка в разных ситуациях общения. Инновационными средствами метод информационного анализа организует коммуникативную деятельность школьников с целью формирования общеучебной компетенции. С его помощью учитель развивает представления школьников о языковом существовании личности, обогащает их эмоциональный опыт, расширяет диапазон коммуникативных навыков. В условиях естественной коммуникации школьниками осознаются лингвистические факты.

Установим дидактические участки компьютерного сопровождения урока русского языка: 1) ситуация просмотра и поиска лингвистической информации; 2) ситуация управления извлечённой информацией при решении лингвистических задач; 3) ситуация опосредованного взаимодействия (привлечение в учебном процессе виртуальных образовательных оболочек); 4) ситуация творчества (предъявление результатов учебно-исследовательской деятельности по русскому языку); 5) ситуация общения (с товарищами, с учителем).

Основой развития информационно-коммуникативных умений в системе лингвистической подготовки школьников является электрон-

ный текст; основным выступает метод информационного анализа, раскрывающий перед учащимися исследовательский подход к анализу языковых и коммуникативных единиц в процессе изучения родного языка. Метод познания общих правил функционирования языка в сетевом пространстве помогает школьникам осознать надпредметную функцию русского языка.

Библиографический список

1. Александрова О. М., Львова С. И. Стратегические направления развития школьного курса русского языка // Развитие личности учащихся в процессе обучения русскому языку: духовное, интеллектуальное, эмоциональное. – М.; Ярославль, 2014. – С. 24–31.
2. Архипова Е. В. Принципы лингводидактики как основа создания инновационных технологий обучения языку // Использование интерактивных и информационно-коммуникационных технологий при формировании общекультурных и языковых компетенций адъюнктов, курсантов, студентов и слушателей вузов ФСИН России / под ред. Л. Н. Федосеевой, Н. В. Шилиной. – Рязань, 2016. – С. 11–15.
3. Добротина И. Н. Информационная переработка текста на уроках русского языка как средство развития коммуникативных умений старшеклассников: автореф. ... к-та пед. наук. – М., 2016. – 27 с.
4. Маркунас И. А. Использование интерактивных электронных заданий на уроках русского языка // Проблемы гуманитарного образования: филология, журналистика, история: сб. тр. междунаrod. научно-практ. конф. – Пенза, 2014. – С. 334–338.

Bibliograficheskij spisok

1. Aleksandrova O. M., L'vova S. I. Strategicheskie napravlenija razvitija shkol'nogo kursa russkogo jazyka // Razvitie lichnosti uchashhihsja v processe obuchenija russkomu jazyku: duhovnoe, intelektual'noe, jemocional'noe. – M.; Jaroslavl', 2014. – S. 24–31.
2. Arhipova E. V. Principy lingvodidaktiki kak osnova sozdanija innovacionnyh tehnologij obuchenija jazyku // Ispol'zovanie interaktivnyh i informacionno-kommunikacionnyh tehnologij pri formirovanii obshhekul'turnyh i jazykovyh kompetencij ad#junktov, kursantov, studentov i slushatelej vuzov FSIN Rossii / pod red. L. N. Fedoseevoj, N. V. Shilinoj. – Rjazan', 2016. – S. 11–15.
3. Dobrotina I. N. Informacionnaja pererabotka teksta na urokah russkogo jazyka kak sredstvo razvitija kommunikativnyh umenij starsheklassnikov: avtoref. ... k-ta ped. nauk. – M., 2016. – 27 s.
4. Markunas I. A. Ispol'zovanie interaktivnyh jelektronnyh zadaniy na urokah russkogo jazyka // Problemy gumanitarnogo obrazovanija: filologija, zhurnalistika, istorija: sb. tr. mezhdunarod. nauchno-prakt. konf. – Penza, 2014. – S. 334–338.

© Гау И. Ю., 2017.

РОЛЬ АУДИРОВАНИЯ КАК САМОСТОЯТЕЛЬНОЙ РЕЧЕВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В ПРОЦЕССЕ ОБУЧЕНИЯ РУССКОМУ ЯЗЫКУ В ИРАНЕ

С. Г. Мехтиханлы

*Кандидат филологических наук
ассистент профессора, преподаватель
Гилянский университет
г. Решт, провинция Гилян, Иран*

THE ROLE OF LISTENING AS A SPEECH ACTIVITY IN THE PROCESS OF TEACHING RUSSIAN LANGUAGE IN IRAN

S. Q. Mehdikhanli

*Candidate of Philological Sciences
assistant professor, lecturer
University of Guilan
Rasht, Gilan province, Iran*

Abstract. Listening at the initial stage of work with Iranian students is one of the most topical issues in Russian language teaching in Iran, since students are out of the language environment, and, as we know, verbal communication is impossible without listening. At the present stage of development of methodical science listening is considered as a fundamental skill in teaching not only Russian, but also to all foreign languages. This speech activity is the basis of communication.

Keywords: teaching; skill; listening; communication; Russian language; Iranian audience; speech activity.

В своих трудах современные методисты обучения иностранным языкам, как Рогова Г. В., Верещагина И. В., Биболетова М. З., Никитенко З. Н., пишут, что формирование готовности к восприятию иноязычной речи на слух является очень важным умением, без овладения которым немислимо общение на языке. И. И. Халеева подчеркивает, что «аудитивная база – это одно из условий улучшения навыков устной речи, и путь к накоплению сведений о неисчерпаемых возможностях языковой системы и способах ее рече-

вой реализации, и важный канал пополнения знаний о стране изучаемого языка» [11, с. 11].

Аудирование имеет тесную связь с другими видами речевой деятельности, а также играет важную роль в изучении любого иностранного языка (в данном случае русского), особенно при коммуникативном направлении обучения. Исходя из этого, мы можем сказать, что аудирование должно занимать важное место уже на начальном этапе обучения русскому языку.

Обучение аудированию в иранской аудитории как коммуникативной деятельности составляет практическую цель обучения русскому языку. Иранский студент должен понимать содержание аудиотекста при его одноразовом прослушивании.

Задачей обучения аудированию на занятиях по русскому языку в иранской аудитории является понимание текстов, постепенно увеличивающихся по объему, и которые содержат определённое количество новых слов. Студенты должны догадываться о значении новых для них слов, опираясь на контекст или звуковую форму слова, а также они должны научиться понимать общий смысл сообщения.

При коммуникативном подходе к процессу обучения иранских студентов русскому языку, достигается формирование всесторонне развитой личности, способной использовать данный язык как инструмент общения в диалоге культур русского и иранского народов.

Следовательно, студенты должны владеть изучаемым языком как средством общения, уметь им пользоваться в устной и письменной речи. Устная форма общения включает аудирование и говорение.

При помощи аудирования усваивается лексический состав языка, его грамматическая структура, структуры разного типа утвердительных, вопросительных и отрицательных предложений. В то же время аудирование помогает овладению говорением, чтением и письмом.

Понимание речи на слух тесно связано с говорением. Говорение и аудирование являются двумя взаи-

мосвязанными сторонами устной речи. Аудирование это не только прием сообщения, но и ответная реакция на услышанное. Жинкин Н. И. пишет, «для того чтобы научиться понимать речь, необходимо говорить, и по тому, как будет принята ваша речь, судить о своем понимании. Понимание формируется в процессе говорения, а говорение – в процессе понимания» [5]. Зимняя И. А. в своей работе утверждает, что «говорение и слушание объединены общностью способов формирования мысли посредством языка» [6]. Исходя из этого, можно сказать, что аудирование помогает подготовке к говорению, а говорение помогает формированию восприятия речи на слух.

Аудирование осуществляет возможность овладения звуковой стороной языка, интонацией, ритмом, ударением. Аудирование выполняет еще одну важную учебную функцию: новый языковой материал и новые грамматические структуры сначала вводятся в аудирование, а потом уже используются в говорении. В то же время, аудирование облегчает овладение говорением, чтением и письмом. Действительно, если иранский студент понимает звучащую речь, ему легче понять и графическую речь.

В настоящее время в методике выделяется несколько видов аудирования:

- звукоразличительное аудирование, направленное на восприятие и понимание отдельных звуков;
- аудирование основного содержания, когда нужно понять самую

главную информацию, игнорируя детали;

- аудирование с полным пониманием, в котором важно и основное содержание, и детали;

- аудирование с выборочным пониманием, направленное на вычленение и осмысление только интересующей информации или той, которая указана в задании [2, с. 30].

При обучении аудированию на русском языке очень важную роль играет содержание обучения. Рассмотрим три компонента содержания обучения: лингвистический, психологический и методологический [10, с. 34].

Лингвистический компонент (языковой и речевой материал):

К языковому материалу относятся: единицы языка, включающие морфемы, слова, фразеологические сочетания, организованные по формально-семантическому признаку. В этом случае внимание сосредоточено на отработке элементов языка. Студенты учатся различать и слышать разницу в сочетаниях звуков, слышать долготу и краткость, ритм, ударение и интонацию и их функцию. Речевой материал составляют единицы речи – ситуативно-обусловленные высказывания разной протяжённости – от слова до макротекста. Развитие умения понимать русскую речь на слух начинается с речевых единиц, с восприятия студентами высказываний, произносимых преподавателем, например: приветствия (Доброе утро, добрый день), представления (Меня зовут ...). Тут же осуществляется проверка понимания путём поста-

новки вопроса – А как вас зовут? Ответ студента будет свидетельствовать о понимании вопроса. Так формируется понимание цепочки звуков данного содержания на русском языке, то есть речевой единицы, выполняющей конкретную задачу общения. Вопрос задается многим студентам, таким образом обеспечивается многократное восприятие и непроизвольное усвоение – фиксация в памяти сказанного, поскольку внимание студентов сосредоточено не на отдельных единицах языка, а на коммуникативной задаче – знакомстве преподавателя с аудиторией.

Вторым компонентом содержания обучения аудированию является психологический компонент – доведение восприятия и понимания звучащей на русском языке речи до уровня навыка и умения. Непременным условием овладения таким сложным видом речевой деятельности, как понимание речи на слух на русском языке, является концентрация студента на том, что он должен слышать, так как малейшее отключение от слушания ведет к потере смысла. Необходимо формировать у обучаемых умение воспринимать, понимать, активно перерабатывать воспринимаемое.

Для начального этапа обучения русскому языку важно, прежде всего, умение студентов в предложении слышать и различать слова. Следующее важное умение в восприятии на слух речи – это умение выделять основную мысль сообщения, отделять основную информацию от второстепенной, различать типы пред-

ложений: повествовательные, вопросительные, побудительные.

При обучении русскому языку иранских студентов аудирование как речевое умение должно формироваться с первого же года. Формирование аудирования происходит в результате накопления слов и речевых единиц русского языка, при непосредственном общении преподавателя с аудиторией, а также в ходе речевого взаимодействия, когда студенты слушают друг друга.

Третьим компонентом содержания обучения аудированию является методологический – обучение иранских студентов приемам понимать русскую речь на слух. Необходимо объяснить им, как важно внимательное, сосредоточенное вслушивание в то, что говорится на русском языке, соотнесение того, что они слышат, с конкретной ситуацией, со зрительным восприятием этой ситуации. К этому относятся также предметная наглядность, жесты преподавателя, мимика, все то, что характерно для осмысления при коммуникации.

На занятиях русского языка в иранской аудитории, преподавателю следует избегать перевода на персидский язык сообщений на русском, к которому часто прибегают иранские студенты, поскольку перевод замедляет формирование умения понимать звучащую русскую речь. Из сказанного следует, что формирование понимания речи на слух должно протекать в естественных условиях звучащей речи, создавать которые на уроках является задачей преподавателя.

Аудирование формируется в процессе работы с разными видами материалов для прослушивания, в первую очередь, это специально составленные тексты, предназначенные для развития этого умения: описательные, повествовательные, монологи, диалоги. Содержание текстов может быть близким интересам иранских студентов, или же совершенно новым. Данилина К. В. считает, что при обучении аудированию необходимо учитывать разрыв между «языковой ограниченностью» реципиента и его интеллектуальным уровнем. Этот разрыв можно максимально сузить специальными заданиями, направляющими внимание слушающего на смысловое содержание сообщения. Этому способствуют и сами тексты, которые должны содержать коммуникативно ценную информацию, проблемные ситуации, позволяющие студенту принимать собственные решения [4, с. 45]. В процессе обучения следует использовать аутентичные материалы, представленные текстами о культуре страны, язык которой изучают студенты. Такие тексты могут использоваться в качестве компонента содержания обучения русскому языку иранских студентов, поскольку эффективность обучения зависит от характера восприятия и интерпретации языкового материала, от его способности выполнять свое целевое назначение, направленное, в том числе на формирование и развитие умений иноязычного межкультурного общения [7, с. 24–25]. Текст о культуре представляет собой осмысленную, связную последова-

тельность знаков, построенную согласно правилам определенной знаковой системы, любую форму коммуникации, способную передать особым образом организованную и последовательную информацию, связанную с определенным историко-культурным и лингвосоциокультурным содержанием [1, с. 36].

При подборе материала для обучения аудированию следует соблюдать «принцип градации трудностей», предлагать студентам материал, постепенно усложненный, в котором соблюдены принципы доступности и посильности.

Для аудирования текстов описательного характера очень важно научить студентов понимать словесную речь, научить их узнавать и понимать речевые единицы, которые встречались им раньше, научить различать сходные слова и речевые образцы с опорой на контекст.

Для восприятия и понимания текстов повествовательного характера необходимо научить студентов выделять факты, о которых идет речь в сообщении; отделять один эпизод от другого; наблюдать последовательность действий.

Как известно, что устная речь выступает в двух формах – монологической и диалогической, и каждая из этих двух форм устной речи имеет свою систему упражнений при обучении аудированию.

Основная задача иранских студентов в восприятии монологической речи состоит в осознании и определении круга событий. Студенты должны уметь найти основную идею и важнейшие детали со-

общения. Вместе с тем, восприятие на слух монологической речи несколько легче, чем диалогической. Большинство исследователей считают, что легче воспринимаются монологические тексты, чем диалогические, а среди монологических – гораздо легче фабульные, чем описательные [3, с. 67].

Восприятие речи диалогического характера усложняется тем, что в такой речи присутствуют два или более лица, говорящих разными голосами, разным тембром, возможно, и с разным темпом речи. Темп речи – скорость произнесения элементов речи (звуков, слогов, слов), является одним из компонентов интонации. Следует, однако, заметить, что абсолютный темп речи зависит от индивидуальных черт говорящего, особенностей его эмоционального состояния и ситуации общения, стиля произношения. В качестве интонационного средства темп речи выполняет функцию противопоставления более и менее важных компонентов высказывания. Наиболее важные слова или синтагмы характеризуются замедленным темпом, отрезки, несущие второстепенную информацию – ускоренным. Замедление темпа к концу высказывания выступает одним из средств оформления его целостности, в чём проявляется синтаксическая функция интонации [8].

Диалоги содержат все типы предложений: вопросы, ответы, приказания, просьбы, советы и являются образцом живой повседневной речи. Целью диалогов является передача лексических и граммати-

ческих моделей в разговорной форме. Хорошо составленный диалог служит иллюстрацией языковых структур, а также включает материал страноведческого характера.

Учитывая это, можно утверждать, что при обучении аудированию русской речи иранских студентов, следует начинать обучение с речи монологического характера и постепенно переходить к аудированию диалогической речи. В начале процесса обучения предлагаются небольшие диалоги, с основным упором на проговаривание за диктором. Постепенно вводятся диалоги с записью естественных разговоров с включением повторов, междометий, сокращений, возможных в реальной беседе пауз и т. д.

Таким образом, при подборе текстов для аудирования, преподаватель должен придерживаться следующих требований. Тексты должны:

- соответствовать этапам обучения и речевому опыту иранских студентов;
- содержать определенную проблему, представляющую интерес для студентов;
- иметь ясное, простое изложение;
- представлять разные формы речи – монологическую и диалогическую.

Наиболее подходящими методами обучения аудированию в иранской аудитории, являются ситуации естественного речевого общения, которые стимулируют студентов высказаться, обмениваться мнениями. Преподаватель должен развивать мотивацию студентов для активного участия на занятиях. Задания на занятиях русского языка должны носить проблемный харак-

тер, побуждать студентов использовать в своих ответах полученные ранее знания. Студенты должны решать коммуникативные задачи самостоятельно, используя лексико-семантические опоры в виде таблиц или записей языкового материала на доске. Опора – это «модель программы высказывания, в которой должна быть заложена возможность вариативного использования средств ее выражения на основе осознания способов выполнения речевых действий по порождению высказывания» [9, с. 220]. Для обучения любому иностранному языку, в том числе и русскому, использование опор является достаточно эффективным. Опоры служат не только речевой поддержкой, но и способствуют лучшему пониманию и запоминанию аудитивного материала.

Исходя из всего сказанного, мы приходим к выводу, что аудирование составляет основу общения, с него начинается овладение устной коммуникацией. Владение этим видом речевой деятельности позволяет изучающему язык понять то, что ему сообщают и адекватно реагировать на сказанное, помогает правильно изложить свой ответ. Данный вид речевой деятельности, учит студентов культуре речи, что включает умение слушать собеседника внимательно, что является важным не только при разговоре. Процесс аудирования предполагает запоминание текстов на слух, что способствует развитию памяти, внимания, умения слушать и понимать услышанное.

Библиографический список

1. Андронкина Н. М. Когнитивно-деятельностный подход к формированию лингво-социокультурной компетенции в обучении немецкому языку студентов языкового вуза: дис. д-ра пед. наук. – СПб., 2009.
2. Бим И. Л. Концепция обучения второму иностранному языку (нем. на базе англ.). – М. : Вентана-Граф, 1997.
3. Гез Н. И., Ляховицкий М. В., Миролюбов А. А. и др. Методика обучения иностранным языкам в средней школе : учебник. – М. : Высш.шк., 1982.
4. Данилина К.В. Взаимодействие видов речевой деятельности при обучении иностранным языкам // Преподавание русского языка аспирантам-иностранцам : сб. ст. – М.: Наука, 1981.
5. Жинкин Н. И. Речь как проводник информации. – М. : Наука, 1982.
6. Зимняя И. А. Психология обучения иностранным языкам в школе. – М. : Просвещение, 1991.
7. Кириченко Е. А. Методика обучения студентов языкового вуза иноязычному межкультурному общению: на материале текстов культуры: дис., канд. пед. наук. – Н. Новгород, 2011.
8. Лингвистический энциклопедический словарь. – М. : Советская энциклопедия, 1990.
9. Попова Э. И. Обучение монологическому высказыванию учащихся средней общеобразовательной школы. – Санкт-Петербург, 1985.
10. Рогова Г. В., Верещагина И. Н. Методика обучения английскому языку на начальном этапе в общеобразовательных учреждениях: пособие для учителей и студентов пед. вузов. – 2-е изд., дораб. – М. : Просвещение, 1998.
11. Халеева И. И. Основы теории обучения пониманию иноязычной речи (подготовка переводчиков). – М. : Высшая школа, 1989.

Bibliograficheskiy spisok

1. Andronkina N. M. Kognitivno-dejatel'nostnyj podhod k formirovaniju lingvo-sociokul'turnoj kompetencii v obuchenii nemeckomu jazyku studentov jazykovogo vuza: dis. d-ra ped. nauk. – SPb., 2009.
2. Bim I. L. Konceptija obuchenija vtoromu inostrannomu jazyku (nem. na baze angl.). – M. : Ventana-Graf, 1997.
3. Gez N. I., Ljahovickij M. V., Miroljubov A. A. i dr. Metodika obuchenija inostrannym jazykam v srednej shkole : uchebnik. – M. : Vyssh. shk., 1982.
4. Danilina K.V. Vzaimodejstvie vidov rechevoj dejatel'nosti pri obuchenii inostrannym jazykam // Prepodavanje russkogo jazyka aspirantam-inostrancam : sb. st. — M.: Nauka, 1981.
5. Zhinkin N. I. Rech' kak provodnik informacii. – M. : Nauka, 1982.
6. Zimnjaja I. A. Psihologija obuchenija inostrannym jazykam v shkole. – M. : Prosveshhenie, 1991.
7. Kirichenko E. A. Metodika obuchenija studentov jazykovogo vuza inojazychnomu mezhkul'turnomu obshheniju: na materiale tekstov kul'tury: dis., kand. ped. nauk. – N. Novgorod, 2011.
8. Lingvisticheskij jenciklopedicheskij slovar'. – M. : Sovetskaja jenciklopedija, 1990.
9. Popova Je. I. Obuchenie monologicheskomu vyskazyvaniju uchashhihsja srednej obshheobrazovatel'noj shkoly. – Sankt-Peterburg, 1985.
10. Rogova G. V., Vereshhagina I. N. Metodika obuchenija anglijskomu jazyku na nachal'nom jetape v obshheobrazovatel'nyh uchrezhdenijah: posobie dlja uchitelej i studentov ped. vuzov. – 2-e izd., dorab. – M. : Prosveshhenie, 1998.
11. Haleeva I. I. Osnovy teorii obuchenija ponimaniju inojazychnoj rechi (podgotovka perevodchikov). – M. : Vysshaja shkola, 1989.

© Мехтиханлы С. Г., 2017.

**РУБЕЖНЫЙ КОНТРОЛЬ УСПЕВАЕМОСТИ
ИНОСТРАННЫХ ВОЕННОСЛУЖАЩИХ НА ЗАНЯТИЯХ ПО РКИ
(на материале контрольной работы)**

Е. Н. Чулкова

*Кандидат педагогических наук
Рязанское высшее воздушно-десантное
командное училище
имени генерала армии В. Ф. Маргелова
г. Рязань, Россия*

**MIDTERM CONTROL OF PROGRESS OF FOREIGN MILITARY
PERSONNEL IN THE CLASSROOM FOR RUSSIAN LANGUAGE
AS A FOREIGN LANGUAGE (based on the reference work)**

E. N. Chulkova

*Candidate of Pedagogical Sciences
Ryazan Airborne Academy
named after general V. F. Margelov
Ryazan, Russia*

Abstract. In this article we consider the peculiarities of boundary control of progress of foreign military personnel in the classroom for Russian Language as a Foreign Language: for the attention of teachers to the organizational guidelines, methodologically justified methods and means of conducting boundary control, note the significance of the communicative approach to teaching Russian as a Foreign Language, given a detailed description of the indicators of the boundary control of progress of the Foreign Military Soldier. The article focus teachers on the use of indicators of boundary control of Foreign Military Soldier in the course of the audit work in the learning process Russian Language as a Foreign Language offer one of variants of a test on discipline "Foreign (Russian) language".

Keywords: boundary control; boundary control indicators; Russian as a foreign language; examination; performance of foreign soldiers.

Рубежный контроль успеваемости иностранных военнослужащих на занятиях по РКИ (русский язык как иностранный) – неотъемлемая составляющая образовательного процесса, направленная на проверку степени усвоения иностранными военнослужащими теоретического материала, изученного на практических занятиях, и уровня сформированности у них основных речевых

навыков и умений. Одной из форм проведения рубежного контроля является контрольная работа, подводящая итог изучению определенной темы или семестра.

Содержание контрольной работы определяется на основании учебной программы и тематического плана по дисциплине «Иностранный (русский) язык» (основной курс, ближайшее зарубежье). Контрольная работа

предполагает письменное выполнение заданий и включает в себя аудирование текста, написание диктанта с элементами сочинения, изучающее чтение текста, выполнение практических заданий и тестов, составленных по наиболее важным вопросам словообразования, морфологии и синтаксиса русского языка, изучавшимся на практических занятиях.

Для аудирования предлагаются тексты публицистического стиля речи объемом 210–230 слов. После прослушивания обучающиеся должны продемонстрировать понимание содержания текста: закончить предложения, используя один из предложенных вариантов, наиболее полно отображающий содержание аудиотекста.

Навыки продуцирования письменной речи проверяются в ходе написания диктанта с элементами сочинения. Сначала преподаватель читает текст диктанта полностью, уточняет при помощи вопросов степень понимания обучающимися текста. В случае необходимости выписывает на доске и семантизирует новые (трудные) слова. Затем читает первое предложение целиком, потом ещё раз, деля его на синтагмы, обучающиеся записывают предложение. После написания всего текста преподаватель читает его ещё раз и дает обучающимся задание письменно выразить свою точку зрения по теме диктанта. Данное задание также призвано проверить грамотность ИВС.

Выполнение заданий (1–10) призвано продемонстрировать уровень

сформированности у иностранных военнослужащих навыков анализа текста и продуцирования устной речи с опорой на план текста. Количество заданий к тексту избыточно, что позволит преподавателю выбрать задания, необходимые для контроля уровня сформированности навыков у обучающихся его группы.

Тестовые задания контролируют степень усвоения грамматического материала обучающимися. Перед их выполнением необходимо выдать каждому курсанту бланк ответов и проконсультировать их относительно правила заполнения бланка.

В начале занятия следует познакомить обучающихся с содержанием и организацией выполнения заданий. Все письменные задания выполняются на отдельном листе. Задания могут выполняться в произвольной последовательности.

Использование обучающимися учеников и учебных пособий во время контрольной работы не предусмотрено.

Оценка на контрольной работе складывается из оценки за все виды заданий.

Оценка «отлично» выставляется, если:

- задания после прослушивания текста выполнены правильно или с незначительными недочетами;
- при написании диктанта допущены не более двух орфографических и двух пунктуационных ошибок;
- задания по анализу текста выполнены правильно или с незначительными недочётами, устное высказывание составлено композици-

онно правильно, содержание текста передано в полном объёме;

– правильно выполнено не менее 90 % заданий теста.

Оценка «хорошо» выставляется, если:

– задания после прослушивания текста выполнены с незначительными недочетами;

– при написании диктанта допущены не более четырех орфографических и четырех пунктуационных ошибок;

– задания по анализу текста выполнены с небольшим количеством ошибок, устное высказывание составлено композиционно правильно, при составлении монологического высказывания представлена достаточно полная информация по предложенной теме;

– правильно выполнено от 75 % до 90 % заданий теста.

Оценка «удовлетворительно» выставляется, если:

– задания после прослушивания текста выполнены не в полном объеме;

– при написании диктанта допущены не более шести орфографических и шести пунктуационных ошибок;

– задания по анализу текста выполнены с ошибками, при составлении монологического высказывания представлена неполная информация по предложенной теме и обучающийся с трудом подбирает языковые средства для выражения мысли;

– правильно выполнено не менее 50 % заданий теста.

Оценка «неудовлетворительно» выставляется, если:

– не выполняются требования на оценку «удовлетворительно».

Представляем один из вариантов проведения контрольной работы с ИВС 3 курса с целью применения показателей рубежного контроля их успеваемости.

1 Проверка навыков аудирования

Задание. Прослушайте текст. Закончите предложения, используя один из предложенных вариантов, который наиболее полно отражает содержание текста.

Текст для аудирования

СЕНЕЖСКОЕ ОЗЕРО

Незабываемым путешествием для туристов в средней полосе России может стать поездка на озеро Сенеж – живописный водоём искусственного происхождения. Сенежское озеро – одно из красивейших мест Подмосковья. Оно находится в шестидесяти пяти километрах северо-западнее Москвы, недалеко от города Солнечногорска.

История создания этого озера очень давняя и интересная. В позапрошлом веке было принято решение о соединении рек Москвы и Волги. За двадцать четыре года (1826–1850) прорыли почти девятикилометровый канал между реками Сестра и Истра. Канал планировали использовать для транспортировки грузов с Волги в Москву. Возвели тринадцать шлюзов на Истре и около двадцати на Сестре, построили плотины и мосты. Работы закончились в 1850-ом, но сразу после этого вступила в строй железная дорога, и спустя десять лет всю систему уже забросили, поскольку она стала не нужна. Остатки старого канала можно увидеть прямо с шоссе посреди Солнечногорска. Плотина,

которая перекрыла реку Сестра, увеличила объём воды, и на месте маленького озера Гущино образовался большой новый водоём – озеро Сенеж.

Озеро расположено среди холмов в живописной местности. Форма у озера неправильная из-за заливов. Его площадь сейчас составляет 15,4 квадратных километров, и оно является самым большим из всех озёр Московской области. Длина берега – около 16 км. Две реки, ручьи и ключи пополняют водой озеро Сенеж.

Средняя глубина водохранилища – три метра пятьдесят сантиметров, а в некоторых местах расстояние до дна – почти шесть метров. По всей береговой линии глубина составляет только два метра. В устье реки Сестры расположены очень красивые Малиновые острова.

Прекрасная природа Сенежа всегда располагала к творчеству. Ещё в 1898 году известный русский художник Исаак Левитан посетил село Богородское, расположенное на берегу озера. Там он написал свою знаменитую картину «Озеро. Русь». А в десяти километрах от Сенежа находится дом-усадьба прекрасного русского поэта Александра Блока – Шахматово, где он написал много стихотворений о природе.

На Сенеже нет ни катеров, ни гидроциклов, поэтому в нём очень прозрачная вода (видимость – от 2 до 5 метров) и много рыбы. В разное время года рыболовы вылавливают здесь до двенадцати видов рыбы.

На берегах водохранилища разместилось много санаториев и до-

мов отдыха для взрослых и детей. Есть и туристические базы, кемпинги, где проводят выходные дни и отпуска люди из разных уголков нашей страны. Есть на Сенеже и свой яхт-клуб. Когда он организует регату, то можно увидеть необыкновенно красивое зрелище на воде.

Добраться до Сенежа очень легко: электричкой с Ленинградского вокзала до станции Подсолнечная и далее автобусом.

1. Озеро Сенеж появилось в результате строительства

(А) канала между рекой Москвой и рекой Волгой

(Б) плотины на реке Сестре

(В) водохранилища на озере Гущино

2. Озеро Сенеж пополняется водами

(А) двух рек

(Б) одной реки

(В) двух рек, ручьев и ключей

3. Исаак Левитан, посетив озеро, написал картину

(А) «Берег озера»

(Б) «Озеро. Русь»

(В) «На озере»

4. Недалеко от Сенежа находится усадьба русского поэта

(А) Сергея Есенина

(Б) Александра Блока

(В) Владимира Маяковского

5. На Сенежском озере есть свой

(А) арт-клуб

(Б) яхт-клуб

(В) мото-клуб

6. Добраться до озера можно

(А) только на автомобиле

(Б) на поезде

(В) на электричке и автобусе

2 Проверка навыков письменной речи

Задание. Напишите диктант. Выразите свою точку зрения по теме диктанта.

По-настоящему счастлив и мудр тот, кто всю свою жизнь умеет по крупице накапливать богатство. Хранилище этого богатства – души ваших детей. Имя ему – ваша ответственность перед детьми. Заботьтесь об этом богатстве, оно возвратится к вам. Знайте, что придёт время, когда дети ваши станут сильнее и мудрее вас, отцов, – это неизбежная и очень мудрая закономерность жизни. И единственным источником вашего счастья будет сознание того, что сами вы в духовной жизни своих детей стали огромной, ни с чем не сравнимой ценностью, потому что в вашем разуме, в вашем сердце, в каждом вашем побуждении и устремлении дети будут видеть прежде всего ваш долг и вашу ответственность. Это единственный капитал, на который можно прожить в старости, чувствуя спокойную уверенность в том, что ты прожил жизнь не напрасно.

Я считаю, что ...

3 Проверка навыков работы с текстом

Задание. Прочитайте текст, выполните задания к тексту.

МУЗЫКАНТ

Прохожу по пустынному подземному переходу возле гостиницы «Советская». Впереди оборванный нищий музыкант в черных очках сидит на скамеечке и поет, подыгрывая себе на гитаре.

Поравнялся с музыкантом, гребанул из пальто мелочь и вы-

сыпал ему в подставленную железную коробку. Иду дальше.

Случайно вложил руку в карман и чувствую, что там ещё много монет. Что за черт! Я был уверен, что, когда давал деньги музыканту, выгреб все, что было в кармане.

Вернулся к музыканту и, уже радуясь, что на нем черные очки и он, скорее всего, не заметил *глупую сложность* всей процедуры, снова гребанул из пальто мелочь и высыпал ему в железную коробку.

Пошел дальше. Отошел шагов на десять и, снова сунув руку в карман, вдруг обнаружил, что там ещё много монет. В первый миг я был так поражен, что впору было крикнуть: «Чудо! Господь наполняет мой карман, опорожняемый для нищего!»

Но через миг остыл. Я понял, что монеты просто застревали в глубоких складках моего пальто. **Их там много скопилось.** Сдачу часто дают мелочью, а на неё вроде нечего покупать. Почему же я в первый и во второй раз недогреб монеты? Потому что делал это небрежно и автоматически. Почему же небрежно и автоматически? Потому что, увы, был равнодушен к музыканту. Тогда почему же все-таки гребанул из кармана мелочь?

Скорее всего потому, что много раз переходил подземными переходами, где сидели нищие с протянутой рукой, и довольно часто по спешке, по лени проходил мимо. Я проходил, но оставалась *царапина на совести*: надо было остановиться и дать им что-нибудь. **Возможно, бессознательно этот мелкий акт милосердия** перебрасывался на других. Обычно по этим переходам

снует множество людей. А сейчас никого не было, и он как бы играл для меня одного.

Впрочем, во всем этом что-то есть. Может быть, и в большом смысле добро надо делать равнодушно, чтобы не возникало тщеславия, чтобы не ждать никакой благодарности, чтобы не озлиться оттого, что тебя никто не благодарит. Да и какое это добро, если в ответ на него человек тебе благо дарит. Значит, вы в расчете и не было никакого *бескорыстного добра*. Кстати, как только мы осознали бескорыстность своего поступка, мы получили *тайную мзду* за свое бескорыстие. Отдай равнодушно то, что можешь дать нуждающемуся, и иди дальше, не думая об этом.

(По Ф. Искандеру)

Задания к тексту:

1. Выпишите и разберите по составу подчёркнутые слова. Подберите к каждому из них по 2–3 однокоренных слова.

2. Объясните значение *выделенных* словосочетаний в тексте.

3. Подберите синонимы и антонимы к следующим словосочетаниям: нищий музыкант, множество людей, равнодушен к музыканту, с протянутой рукой, довольно часто.

4. Найдите в тексте причастия и деепричастия, выпишите их, укажите их вид, исходный глагол и формообразующие суффиксы.

5. Найдите в тексте сложносочиненное предложение, выпишите его. Выполните синтаксический разбор данного предложения по плану:

- подчеркните все члены предложения соответствующим образом и надпишите над ними названия частей речи, которыми они выражены;

- определите тип предложения по цели высказывания (повествовательное, побудительное, вопросительное);

- определите тип предложения по эмоциональной окраске (восклицательное, невосклицательное);

- выделите части предложения, отметьте границы;

- определите тип предложения (простое, сложное: бессоюзное, сложноподчиненное, сложносочиненное);

- укажите, если предложение сложноподчиненное, на какой вопрос отвечает придаточная часть и какое средство синтаксической связи (союз, союзное слово);

- составьте схему.

6. Найдите в тексте сложноподчиненное предложение, выпишите его. Выполните синтаксический разбор данного предложения (по плану в пункте 5).

7. Разберите по членам выделенные предложения.

8. Составьте план текста.

9. Выпишите опорные слова к каждому пункту плана.

10. Перескажите текст, используя план и опорные слова.

4 Проверка знания грамматики русского языка

Выполнение теста

1. Какое слово состоит из приставки, корня, нулевого окончания:

- 1) приземление;
- 2) подземный;
- 3) выход;

4) прилететь.

2. В каком из данных слов два корня:

- 1) искусственный;
- 2) самостоятельность;
- 3) водохранилище;
- 4) ответственный.

3. Какое слово можно заменить по значению словом *печалиться*:

- 1) плакать;
- 2) грустить;
- 3) кричать;
- 4) утешать.

4. В каком из словосочетаний слова лексически сочетаются:

- 1) сильная дружба;
- 2) сильный свет;
- 3) сильный человек;
- 4) сильный фильм.

5. В каком предложении вместо слова КАМЕННЫЙ нужно употребить слово КАМЕНИСТЫЙ:

1) Стены мрачного коридора, а также потолок были высечены из сплошной КАМЕННОЙ глыбы.

2) Здесь, на КАМЕННЫХ вершинах ничто не растет.

3) У этого человека КАМЕННОЕ сердце.

4) КАМЕННЫЕ стены крепости надежно защищали жителей.

6. Какой союз является сочинительным союзом:

- 1) чтобы;
- 2) но;
- 3) который;
- 4) потому что.

7. Какой подчинительный союз указывает на придаточную часть сложноподчиненного предложения в значении времени:

- 1) поэтому;
- 2) словно;
- 3) когда;

4) что.

8. Какое предложение является сложным бессоюзным предложением:

1) Подул сильный ветер, и небо затянуло тучами.

2) Когда подул сильный ветер, небо затянуло тучами.

3) В то время, как подул сильный ветер, небо затянуло тучами.

4) Подул сильный ветер, небо затянуло тучами.

9. В каком предложении не допущена грамматическая ошибка в образовании формы слова:

1) Я застал помощника в своем кабинете.

2) Я застал помощника в его кабинете.

3) Я застал помощника в свой кабинете.

4) Я застал помощника в его кабинет.

10. Укажите грамматически правильное продолжение предложения «На карту командир ... условные тактические знаки»:

- 1) рисует;
- 2) наносит;
- 3) пишет;
- 4) изображает.

Как видим, контрольная работа призвана проверить степень сформированности у иностранных военнослужащих навыков и умений в различных видах речевой деятельности: аудировании, чтении, письме, говорении, что соответствует целям и задачам рубежного контроля в процессе обучения русскому языку как иностранному.

Библиографический список

1. Грамматика русского языка : учебное пособие / Л. А. Константинова, Н. Н. Гончарова, А. Н. Жукова, А. М. Николаев, Е. П. Щенникова; под ред. Л. А. Константиновой. – М. : Флинта : Наука, 2011. – 256 с.
2. Дудников А. В. Русский язык : учебное пособие для средн. спец. учеб. заведений / А. В. Дудников, А. И. Арбузова, И. И. Ворожбицкая. – М. : Высш. шк., 2004. – 414 с.
3. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений. – 4-е изд., доп. – М., 1999.
4. Публицистический и художественный стиль речи : учебное пособие / составители Бирюкова Е. А., Кудасова Н. В. – Рязань : РВАИ, 2005. – 156 с.
5. Рогачева Е. Н. Русский язык. Корректировочный курс : учебное пособие / Рогачева Е. Н., Фролова О. А. – Рязань : РВВДКУ(ВИ), 2006. – 246 с.
6. Русский язык как иностранный : методика обучения русскому языку : учеб. пособие для высш. учеб. заведений / под ред. И. П. Лысаковой. – М. : Гуманитар. изд. центр ВЛАДОС, 2004.

Bibliograficheskiy spisok

1. Grammatika russkogo jazyka : uchebnoe posobie / L. A. Konstantinova, N. N. Goncharova, A. N. Zhukova, A. M. Nikolaev, E. P. Shhennikova; pod red. L. A. Konstantinovej. – M. : Flinta : Nauka, 2011. – 256 s.
2. Dudnikov A. V. Russkij jazyk : uchebnoe posobie dlja sredn. spec. ucheb. Zavedenij / A. V. Dudnikov, A. I. Arbuzova, I. I. Vorozhbickaja. – M. : Vyssh. shk., 2004. – 414 s.
3. Ozhegov S. I., Shvedova N. Ju. Tolkovyj slovar' russkogo jazyka: 80 000 slov i frazeologicheskikh vyrazhenij. – 4-e izd., dop. – M., 1999.
4. Publicisticheskij i hudozhestvennyj stil' rechi : uchebnoe posobie / sostaviteli Birjukova E. A., Kudasova N. V. – Rjazan' : RVAI, 2005. – 156 s.
5. Rogacheva E. N. Russkij jazyk. Korrektirovochnyj kurs : uchebnoe posobie / Rogacheva E. N., Frolova O. A. – Rjazan' : RVVDKU(VI), 2006. – 246 s.
7. Russkij jazyk kak inostrannyj : metodika obuchenija russkomu jazyku : ucheb. posobie dlja vyssh. ucheb. zavedenij / pod red. I. P. Lysakovej. – M. : Gumanitar. izd. centr VLADOS, 2004.

© Чулкова Е. Н., 2017.

RULES FOR AUTHORS

Articles are to be sent in electronic format to e-mail: sociosfera@seznam.cz. Page format: A4 (210x297mm). Margins: top, bottom, right – 2 cm, left – 3 cm. The text should be typed in 14 point font Times New Roman, 1.5 spaced, indented line – 1.25, Normal style. The title is typed in bold capital letters; central alignment. The second line comprises the initials and the family name of the author(s); central alignment. The third line comprises the name of the organization, city, country; central alignment. The methodical articles should indicate discipline and specialization of students for which these materials are developed. After a blank line the name of the article in English is printed. On the next line the name of the authors in English is printed. Next line name of the work place, city and country in English. After one line space comes the abstract in English (600–800 characters) and a list of key words (5–10) in English. The text itself is typed after one line space. Graphs, figures, charts are included in the body of the article and count in its total volume. References should be given in square brackets. Bibliography comes after the text as a numbered list,

in alphabetical order, one item per number. References should be inserted manually. Footnotes are not acceptable. The size of the article is 4–15 pages. The registration form is placed after the text of the article and is not included in its total volume. The name of the file should be given in Russian letters and consists of the conference code and initials and family name of the first author, for example: FV-German P. The payment confirmation should be scanned and e-mailed, it should be entitled, for example FV-German P receipt.

Materials should be prepared in Microsoft Word, thoroughly proof-read and edited.

Information about the authors

Family name, first name
Title, specialization
Place of employment
Position
ORCID
Contact address (with postal code)
Mobile phone number
E-mail
The required number of printed copies

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ

Материалы представляются в электронном виде на e-mail: sociosfera@seznam.cz. Каждая статья должна иметь УДК. Формат страницы А4 (210x297 мм). Поля: верхнее, нижнее и правое – 2 см, левое – 3 см; интервал полуторный; отступ – 1,25; размер (кегль) – 14; тип – Times New Roman, стиль – Обычный. Название печатается прописными буквами, шрифт жирный, выравнивание по центру. На второй строчке печатаются инициалы и фамилия автора(ов), выравнивание по центру. На третьей строчке – полное название организации, город, страна, e-mail, выравнивание по центру. После пропущенной строки печатается название на английском языке. На следующей строке фамилия авторов на английском. Далее название организации, город и страна на английском языке, e-mail. В статьях на английском языке дублировать название, автора и место работы автора на другом языке не надо. После пропущенной строки следует аннотация на английском (600–800 знаков) и ключевые слова (5–10) на английском языке. После пропущенной строки печатается текст статьи. Графики, рисунки, таблицы вставляются, как внедренный объект должны входить в общий объем тезисов. Номера библиографических ссылок в тексте даются в квадратных скобках, а их список – в конце текста со сплошной нумерацией. Источники и литература в

списке перечисляются в алфавитном порядке, одному номеру соответствует 1 источник. Ссылки расставляются вручную. При необходимости допускают подстрочные сноски. Они должны быть оформлены таким же шрифтом, как и основной текст. Объем статьи может составлять 4–15 страниц. Сведения об авторе располагаются после текста статьи и не учитываются при подсчете объема публикации. Авторы, не имеющие ученой степени, представляют отзыв научного руководителя или выписку заседания кафедры о рекомендации статьи к публикации.

Материалы должны быть подготовлены в текстовом редакторе Microsoft Word, тщательно выверены и отредактированы. Имя файла, отправляемого по e-mail, иметь вид ФЗ-ФИО, например: ФЗ-Петров ИВ или FV-German P. Файл со статьей должен быть с расширением doc или docx.

Сведения об авторе

Фамилия, имя, отчество

Ученая степень, специальность

Ученое звание

Место работы

Должность

ORCID (если есть)

Домашний адрес с индексом

Сотовый телефон

E-mail

Необходимое количество печатных экземпляров

**ПЛАН МЕЖДУНАРОДНЫХ КОНФЕРЕНЦИЙ, ПРОВОДИМЫХ ВУЗАМИ
РОССИИ, АЗЕРБАЙДЖАНА, АРМЕНИИ, БОЛГАРИИ, БЕЛОРУССИИ,
КАЗАХСТАНА, УЗБЕКИСТАНА И ЧЕХИИ НА БАЗЕ
VĚDECKO VYDAVATELSKÉ CENTRUM «SOCIOSFÉRA-CZ»
В 2017 ГОДУ**

Дата	Название
29–30 марта 2017 г.	Развитие личности: психологические основы и социальные условия
5–6 апреля 2017 г.	Народы Евразии: история, культура и проблемы взаимодействия
7–8 апреля 2017 г.	Миграционная политика и социально-демографическое развитие стран мира
10–11 апреля 2017 г.	Проблемы и перспективы развития профессионального образования в XXI веке
15–16 апреля 2017 г.	Информационно-коммуникационное пространство и человек
20–21 апреля 2017 г.	Здоровье человека как проблема медицинских и социально-гуманитарных наук
22–23 апреля 2017 г.	Социально-культурные институты в современном мире
25–26 апреля 2017 г.	Детство, отрочество и юность в контексте научного знания
28–29 апреля 2017 г.	Культура, цивилизация, общество: парадигмы исследования и тенденции взаимодействия
2–3 мая 2017 г.	Современные технологии в системе дополнительного и профессионального образования
5–6 мая 2017 г.	Теория и практика гендерных исследований в мировой науке
7–8 мая 2017 г.	Социосфера в современном мире: актуальные проблемы и аспекты гуманитарного осмысления
10–11 мая 2017 г.	Риски и безопасность в интенсивно меняющемся мире
13–14 мая 2017 г.	Культура толерантности в контексте процессов глобализации: методология исследования, реалии и перспективы
15–16 мая 2017 г.	Психолого-педагогические проблемы личности и социального взаимодействия
20–21 мая 2017 г.	Текст. Произведение. Читатель
22–23 мая 2017 г.	Профессиональное становление будущего учителя в системе непрерывного образования: теория, практика и перспективы
25–26 мая 2017 г.	Инновационные процессы в экономической, социальной и духовной сферах жизни общества
1–2 июня 2017 г.	Социально-экономические проблемы современного общества
5–6 июня 2017 г.	Могучая Россия: от славной истории к великому будущему
10–11 сентября 2017 г.	Проблемы современного образования
15–16 сентября 2017 г.	Новые подходы в экономике и управлении
20–21 сентября 2017 г.	Традиционная и современная культура: история, актуальное положение и перспективы
25–26 сентября 2017 г.	Проблемы становления профессионала: теоретические принципы анализа и практические решения
28–29 сентября 2017 г.	Этнокультурная идентичность – фактор самосознания общества в условиях глобализации
1–2 октября 2017 г.	Иностранный язык в системе среднего и высшего образования
5–6 октября 2017 г.	Семья в контексте педагогических, психологических и социологических исследований
12–13 октября 2017 г.	Информатизация высшего образования: современное состояние и перспективы развития
13–14 октября 2017 г.	Цели, задачи и ценности воспитания в современных условиях
15–16 октября 2017 г.	Личность, общество, государство, право: проблемы соотношения и взаимодействия
17–18 октября 2017 г.	Тенденции развития современной лингвистики в эпоху глобализации
20–21 октября 2017 г.	Современная возрастная психология: основные направления и перспективы исследования
25–26 октября 2017 г.	Социально-экономическое, социально-политическое и социокультурное развитие регионов

28–29 октября 2017 г.	Наука, техника и технология в условиях глобализации: парадигмальные свойства и проблемы интеграции
1–2 ноября 2017 г.	Религия – наука – общество: проблемы и перспективы взаимодействия
3–4 ноября 2017 г.	Профессионализм учителя в информационном обществе: проблемы формирования и совершенствования.
5–6 ноября 2017 г.	Актуальные вопросы социальных исследований и социальной работы
7–8 ноября 2017 г.	Классическая и современная литература: преемственность и перспективы обновления
10–11 ноября 2017 г.	Формирование культуры самостоятельного мышления в образовательном процессе
15–16 ноября 2017 г.	Проблемы развития личности: многообразие подходов
20–21 ноября 2017 г.	Подготовка конкурентоспособного специалиста как цель современного образования
25–26 ноября 2017 г.	История, языки и культуры славянских народов: от истоков к грядущему
1–2 декабря 2017 г.	Практика коммуникативного поведения в социально-гуманитарных исследованиях
3–4 декабря 2017 г.	Проблемы и перспективы развития экономики и управления
5–6 декабря 2017 г.	Безопасность человека и общества как проблема социально-гуманитарных наук

ИНФОРМАЦИЯ О НАУЧНЫХ ЖУРНАЛАХ

Название	Профиль	Периодичность	Наукометрические базы	Импакт-фактор
Научно-методический и теоретический журнал «Социосфера»	Социально-гуманитарный	Март, июнь, сентябрь, декабрь	• РИНЦ (Россия), • Directory of open access journals (Швеция), • Open Academic Journal Index (Россия), • Research Bible (Китай), • Global Impact factor (Австралия), • Scientific Indexing Services (США), • Cite Factor (Канада), • International Society for Research Activity Journal Impact Factor (Индия), • General Impact Factor (Индия), • Scientific Journal Impact Factor (Индия), • Universal Impact Factor, • CrossRef (США)	• Global Impact Factor – 1,687, • Scientific Indexin Services – 1,5, • Research Bible – 0,781, • РИНЦ – 0,279
Чешский научный журнал «Paradigmata poznání»	Мультидисциплинарный	Февраль, май, август, ноябрь	• РИНЦ (Россия), • Research Bible (Китай), • Scientific Indexing Services (США), • Cite Factor(Канада), • General Impact Factor (Индия), • Scientific Journal Impact Factor (Индия), • CrossRef (США)	• General Impact Factor – 1,7636, • Scientific Indexin Services – 1,04, • РИНЦ – 0,258
Чешский научный журнал «Ekonomické trendy»	Экономический	Март, июнь, сентябрь, декабрь	• РИНЦ (Россия), • Research Bible (Китай), • Scientific Indexing Services (США), • General Impact Factor (Индия), • CrossRef (США)	• Scientific Indexin Services – 0,72, • General Impact Factor – 1,5402
Чешский научный журнал «Aktuální pedagogika»	Педагогический	Февраль, май, август, ноябрь	• РИНЦ (Россия), • Research Bible (Китай), • Scientific Indexing Services (США), • CrossRef (США)	• Scientific Indexin Services – 0,832
Чешский научный журнал «Akademická psychologie»	Психологический	Март, июнь, сентябрь, декабрь	• РИНЦ (Россия), • Research Bible (Китай), • Scientific Indexing Services (США), • CrossRef (США)	• Scientific Indexin Services – 0,725
Чешский научный и практический журнал «Sociologie člověka»	Социологический	Февраль, май, август, ноябрь	• РИНЦ (Россия), • Research Bible (Китай), • Scientific Indexing Services (США), • CrossRef (США)	• Scientific Indexin Services – 0,75
Чешский научный и аналитический журнал «Filologické vědomosti»	Филологический	Февраль, май, август, ноябрь	• РИНЦ (Россия), • Research Bible (Китай), • Scientific Indexing Services (США), • CrossRef (США)	• Scientific Indexin Services – 0,742

**PUBLISHING SERVICES
OF THE SCIENCE PUBLISHING CENTRE «SOCIOSPHERE» –
VĚDECKO VYDAVATELSKÉ CENTRUM «SOCIOSFÉRA-CZ»**

The science publishing centre «Sociosphere» offers co-operation to everybody in preparing and publishing books and brochures of any kind:

- training manuals;
- autoabstracts;
- dissertations;
- monographs;
- books of poetry and prose, etc.

Books may be published in the Czech Republic
(in the output of the publication will be registered

Prague: Vědecko vydavatelské centrum «Sociosféra-CZ»

or in Russia

(in the output of the publication will be registered

Пенза: Научно-издательский центр «Социосфера»

We carry out the following activities:

- Editing and proofreading of the text (correct spelling, punctuation and stylistic errors),
- Making an artwork,
- Cover design,
- ISBN assignment,
- doi assignment,
- Print circulation in typography,
- delivery of required copies to the Russian Central Institute of Bibliography or leading libraries of Czech Republic,
- sending books to the author by the post.

It is possible to order different services as well as the full range.

**ИЗДАТЕЛЬСКИЕ УСЛУГИ НИЦ «СОЦИОСФЕРА» –
VĚDECKO VYDAVATELSKÉ CENTRUM «SOCIOSFÉRA-CZ»**

Научно-издательский центр «Социосфера» приглашает к сотрудничеству всех желающих подготовить и издать книги и брошюры любого вида:

- учебные пособия,
- авторефераты,
- диссертации,
- монографии,
- книги стихов и прозы и др.

Книги могут быть изданы в Чехии
(в выходных данных издания будет значиться –
Прага: Vědecko vydavatelské centrum «Sociosféra-CZ»)
или в России
(в выходных данных издания будет значиться –
Пенза: Научно-издательский центр «Социосфера»)

Мы осуществляем следующие виды работ.

- редактирование и корректура текста (исправление орфографических, пунктуационных и стилистических ошибок),
- изготовление оригинал-макета,
- дизайн обложки,
- присвоение ISBN,
- присвоение doi,
- печать тиража в типографии,
- обязательная отсылка 5 экземпляров в ведущие библиотеки Чехии или 16 экземпляров в Российскую книжную палату,
- отсылка книг автору.

Возможен заказ как отдельных услуг, так как полного комплекса.

FILOLOGICKÉ VĚDOMOSTI

Vědecký a praktický časopis

№ 1, 2017

Čtvrtletní

Šéfredaktorka – **Irina S. Karabulatova**

Názory vyjádřené v této publikaci jsou názory autora
a nemusí nutně odrážet stanovisko vydavatele.
Autoři odpovídají za správnost publikovaných textů – fakta, čísla, citace,
statistiky, vlastní jména a další informace.

Opinions expressed in this publication are those of the authors
and do not necessarily reflect the opinion of the publisher.
Authors are responsible for the accuracy of cited publications, facts, figures,
quotations, statistics, proper names and other information.

Redaktorka – I. G. Balašova
Korektura – Ž. V. Kuznecova
Produkce – G. A. Kulakova

Podepsáno v tisku 24.03.2017. 60×84/8 ve formátu.
Psaní bílý papír. Vydavatelství 9,31
100 kopií.

VYDAVATEL:

Vědecko vydavatelské centrum «Sociosféra-CZ», s.r.o.:
IČO 29133947
U dálnice 815/6, 155 00, Praha 5 – Stodůlky, Česká republika.
Tel. +420608343967,
web site: <http://sociosfera.com>,
e-mail: sociosfera@seznam.cz